UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324838 2
PG
3470
V525 A17
1907
tom.3

Vilenkin, Nikolaĭ Maksimovich
4.07/66
30-1

Н. МИНСКІЙ

Polnoe sobranie stikhotvoreniĭ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ ТРЕТІЙ: ПРОСВѢТЫ

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ М. В. ПИРОЖКОВА
1907

PG
3470
V525A17
1907
t. 3

Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. (Герольдъ),
Вознесенскій пр. 3.

ПРОСВѢТЫ

Т. III

Геѳсиманская ночь

Возставъ отъ вечери послѣдней,
Онъ шелъ враговъ своихъ встрѣчать,
Слова любви вѣнцомъ страданій увѣнчать.
Съ Нимъ шли ученики. Прохлада ночи лѣтней,
Смѣнивши знойный день, струилася вкругъ нихъ.
И спящій міръ въ тотъ часъ прекрасенъ былъ и тихъ.
Блѣднѣя, мѣсяцъ плылъ по голубой пустынѣ.
Безсонный ключъ, звеня, тишь ночи нарушалъ,
И гдѣ-то миртъ расцвѣлъ, и бальзаминъ дышалъ.
Онъ шелъ, дивясь душой. Нѣтъ, никогда донынѣ,
Привыкши созерцать безплотныя черты,
Не видѣлъ на землѣ Онъ столько красоты.

И путь Ему лежалъ вблизи дворца Пилата.
Въ дворцѣ шла оргія. За мракомъ колоннадъ
Гремѣла пиршества палата,

И шопота любви былъ полонъ темный садъ.
То звукъ лобзанія, то смѣхъ гетеры хитрый
Раздастся и замретъ за мраморной стѣной.
Но вотъ стихаетъ пиръ. Рыданье нѣжной цитры
Влилось въ нѣмую ночь дрожащею волной.
И голосъ женщины, печальный и зовущій,
Запѣлъ подъ лепетъ струнъ, и разбудилъ онъ вдругъ
И воздухъ дремлющій, и сонныхъ маслинъ кущи,
И звѣзды, и луну, всю ночь, весь міръ вокругъ.
И міръ, отдавшись весь тѣмъ звукамъ, полнымъ яда,
Казалось, трепеталъ и страстно вторилъ имъ:
„Да, средь земныхъ скорбей одна лишь есть отрада.
„Да, только тотъ блаженъ, кто женщиной любимъ,
„Кто ночью темной, ночью лунной
„Къ устамъ возлюбленной прильнетъ,
„Иль внемлетъ, какъ она поетъ
„Подъ ропотъ цитры тихострунной...“
И Онъ ускорилъ шагъ, печали не тая,—
Но пѣсня вслѣдъ за Нимъ вилася, какъ змѣя.

Чрезъ городъ дремлющій теперь вела дорога,
Но городъ не дремалъ. Былъ Пасхи первый день,
И всякій средь семьи вкушалъ покой и лѣнь,

На кровлю вышедши иль сидя у порога.
И въ чуткій слухъ лились то звонкій дѣтскій смѣхъ,
То окликъ матери, то пѣсенка простая,—
Тѣ звуки и слова, которыя для всѣхъ,
Кто въ мірѣ одинокъ, звучатъ, какъ пѣсни рая.
Въ нихъ слышенъ былъ призывъ, была мольба слышна:
„Сюда, страдалецъ, къ намъ. Одно есть въ жизни счастье,—
„Семьи привѣтливой любовь и тишина,
„И ласки чистыя, и кроткое участье...“
А Онъ спѣшилъ впередъ, исполненный тоски.
И, отставая, шли за Нимъ ученики.

На Масличной горѣ, вблизи вершины черной,
Двѣ старыхъ маслины, обнявшися, росли.
Уставъ за долгій день учить народъ упорный,
Здѣсь, предъ лицомъ небесъ и предъ лицомъ земли,
Молиться Онъ любилъ всю ночь, пока съ востока
Не брызнутъ стрѣлы дня и облака зажгутъ,
И тѣни отъ холмовъ по доламъ побѣгутъ;
Тогда въ тѣни оливъ Онъ засыпалъ глубоко.
Туда Онъ шелъ теперь. Онъ жаждалъ предъ Отцомъ

Молиться и рыдать наединѣ въ пустынѣ
И воскресить въ душѣ, предъ тягостнымъ концомъ,
Святой восторгъ, съ какимъ Онъ ждалъ конца донынѣ.
И вотъ, ужъ миновавъ Іосафатъ пустой,
Онъ полъ-горы прошелъ, скорбя невыразимо,
Какъ вдругъ, изъ тьмы кустовъ, ученикамъ незримо,
Явился злобный духъ, и дерзкою пятой
Касаться онъ дерзалъ слѣдовъ пяты нетлѣнной.
Онъ видѣлъ, онъ постигъ, какъ страждетъ другъ вселенной,
И мрачнымъ торжествомъ глаза его зажглись
И, слѣдуя за Нимъ, шепталъ онъ:
„Оглянись!
Прекрасна ночь—и жаръ любовный
Въ людскихъ сердцахъ сильнѣй горитъ,
И сонъ блаженный, сонъ грѣховный
Надъ спящимъ городомъ паритъ.
Грудь ищетъ страстно груди знойной,
Горятъ уста и взоръ погасъ...
Куда, мечтатель безпокойный,
Куда бѣжишь ты въ этотъ часъ?
Исполненъ къ грѣшникамъ участья,
Ужель ты смерть готовъ принять,

Чтобы избавить ихъ отъ счастья,
Чтобъ цѣль у жизни ихъ отнять?
О, ты не знаешь власти чудной
Земной любви, земныхъ утѣхъ,
Какъ грѣхъ силенъ, какъ сладокъ грѣхъ...
Вѣрь, быть подвижникомъ нетрудно
Тому, кто прожилъ жизнь, какъ ты,
Скитальцемъ нищимъ и бездомнымъ,
Кто потуплялся взоромъ скромнымъ
Предъ дерзкимъ взоромъ красоты
И убѣгалъ передъ соблазномъ.
Нѣтъ, ты вернись въ толпу со мной,
Ты самъ сперва въ потокѣ грязномъ
Исчезни мутною волной.
Извѣдай все: мученья страсти,
Объятій вѣчно новый рай,
И месть, и зависть испытай,
И упоенье гордой власти.
Тогда рѣши: пустой ли звукъ
Тщета грѣховъ и заблужденій,
И можно-ль отказаться вдругъ
Отъ разъ вкушенныхъ наслажденій.
Тогда узнай, легко-ль спасти
Чистѣйшей жертвой міръ нечистый
И съ протореннаго пути
Увлечь толпу на путь тернистый.

Иль ты мечтаешь, что она
Забудетъ все—очагъ семейный,
Науки тайной письмена
И славы гулъ благоговѣйный,
И шумъ пировъ, и страсти бредъ,
И вдругъ, возставъ изъ грѣшной бездны,
Пойдетъ за призраками вслѣдъ—
Куда? Въ какой-то міръ надзвѣздный?
И ты мечталъ о томъ, скромнѣйшій изо всѣхъ?
Гордыня дикая! Гордыни ослѣпленье!
Покуда міръ стоитъ—всесиленъ грѣхъ,
И Богъ земной—земное наслажденье.
Вернись! Вернись! Вернись! Тебѣ я счастье
дамъ...“

Такъ злобный духъ шепталъ. И горестный Учи-
тель
Промолвилъ, обратясь къ своимъ ученикамъ:
„Молитесь! Близко искуситель“.
И сталъ молиться самъ. Но только слезный
взоръ
Онъ поднялъ вверхъ, согнувъ дрожащія колѣни,
Какъ снова выступилъ изъ мрака злобный геній,
И крылья черныя надъ плачущимъ простеръ,
И слезы высушилъ своимъ дыханьемъ льдистымъ,
И чистый слухъ язвилъ злорѣчіемъ нечистымъ:

„Смотри,—коварный духъ сказалъ,—
Встаютъ видѣнья дней грядущихъ.
Ты видишь пиршественный залъ,
Гостей хохочущихъ и пьющихъ?
Ихъ тѣсенъ кругъ. Сѣдой старикъ—
Хозяинъ пира. Съ лаской пьяной
Вотъ онъ щекой своей румяной
Къ груди красавицы приникъ.
То—дочь его: лишь преступленье
Осилить можетъ пресыщенье.
Вотъ засыпаетъ онъ. Не вѣрь!
Прикрывъ зрачки, какъ хищный звѣрь,
Онъ смотритъ съ злобой безпокойной,
Какъ сынъ его, отца достойный,
Радушно потчуетъ гостей,
Торопитъ шуткой пиръ усталый
И цѣдитъ самъ вино въ бокалы
Рукой предательской своей.
Всѣ пьютъ. Вдругъ вопль... Вскочилъ, кто
въ силахъ...
Бѣгутъ къ дверямъ, ползутъ назадъ...
Кричатъ, упавъ: „Измѣна! Ядъ!“
Но поздно. Смерть течетъ въ ихъ жилахъ.
Тогда очнувшійся старикъ
Въ объятья сына призываетъ,
И стоны смерти прерываетъ

Его злорадства дикій крикъ...
Кто-жъ извергъ сей? Ночной грабитель?
Злодѣй, таящійся во мглѣ?
Нѣтъ, твой намѣстникъ на землѣ,
Твоихъ завѣтовъ онъ—хранитель,
Онъ—высшій совѣсти судья,
Его народы чтутъ, какъ дѣти.
Гляди-жъ, безумецъ! Вотъ, спустя
Пятнадцать медленныхъ столѣтій,
Къ чему распятье приведетъ!
Чтобъ пресыщенному злодѣю
Доставить силу и почетъ.
Чтобы, святынею твоею
Покрывъ преступное чело,
Творить свободнѣй могъ онъ зло...
Вернись! Оставь людей судьбѣ неумолимой!
Вернись! Ты не спасешь ихъ жертвою своей!“

И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
„Да идетъ чаша эта мимо“.

И вновь злой геній говоритъ:
„Вотъ площадь шумная. Трибуна,
Какъ бы скала среди буруна,
Надъ ней высокая царитъ.
Въ трибунѣ той—старикъ безстрастный,

Какъ нищій, въ рубище одѣтъ.
Въ его лицѣ кровинки нѣтъ,
Недвиженъ взоръ сухой и властный.
Толпа, ревущая окрестъ,
Вблизи него хранитъ молчанье.
Онъ оперся на черный крестъ,
Застылъ, какъ рока изваянье.
И вдругъ—о, чудо!—по лицу
Улыбка легкая мелькнула.
Какая сила мертвецу
Способность чувствовать вернула?
Толпа стихаетъ. Слышенъ хоръ.
На площадь шествіе выходитъ.
Монахъ съ крестомъ его подводитъ
Туда, гдѣ высится костеръ!
Средь черныхъ рясъ въ рубахахъ бѣлыхъ
Мужей и женъ идутъ ряды.
Злыхъ пытокъ свѣжіе слѣды
Горятъ на лицахъ помертвѣлыхъ.
И вотъ хоругвей черный лѣсъ
Недвижно сталъ. На возвышеньи
Мелькнули мучениковъ тѣни.
И вдругъ костеръ въ дыму исчезъ—
Подъ стоны жертвъ, подъ пѣнье хора,
Подъ тяжкій вздохъ твоей груди...
Но ты на старца погляди!

Не сводитъ огненнаго взора
Съ огня, дыханье затаивъ.
Онъ молодъ сталъ, онъ сталъ красивъ,
Молитву шепчетъ... Неужели
Твое онъ имя произнесъ?
Тебѣ—ты слышишь?—онъ принесъ
Несчастныхъ въ жертву, что̀ сгорѣли.
Тебя прославилъ онъ огнемъ,
За души грѣшниковъ предстатель.
Ты весь дрожишь? Такъ знай, мечтатель:
О кроткомъ имени твоемъ
Моря изъ крови заструятся,
Свершится безконечный рядъ
Злодѣйствъ ужасныхъ, освятятся
Кинжалъ и мечъ, костеръ и ядъ.
И будутъ дикія проклятья
Твою святыню осквернять,
И люди, именемъ распятья,
Другъ друга будутъ распинать.
И станетъ знаменемъ въ борьбѣ непримиримой
Твой крестъ, твой кроткій крестъ, символъ любви твоей...“

И, руки вверхъ воздѣвъ, молился другъ людей:
„Да идетъ чаша эта мимо!“

А демонъ хохоталъ:
„Взываетъ къ небесамъ
И чашу горькую ко рту подноситъ самъ.
Какъ! Не смутилъ тебя костеръ, ни пиръ кровавый?
Ты медлишь здѣсь, на зло и людямъ и себѣ?
Ужъ не ошибся-ль я въ тебѣ?
И вмѣсто истины не жаждешь ли ты славы?
О, если такъ, то жди. Удачно выбранъ мигъ:
Тьма въ городѣ людей... Иди на муки смѣло!
Пусть кровь твою прольютъ, пусть распинаютъ тѣло.
Я вижу: нравъ толпы глубоко ты постигъ.
Да, жаждетъ и она не правды, не святыни,
Но правды идоловъ, святыни алтарей.
Толпѣ дай образы, лишь рѣзче да пестрѣй,
Миражи ей твори средь жизненной пустыни,
Чтобъ было вкругъ чего, бѣснуясь, ей плясать
И воздухъ воплями безумно потрясать.
Поменьше мудрости, лишь было-бъ красокъ много.
Глаза людей прельщай, не трогая сердецъ.
Понятнѣй имъ нѣмой, но блещущій телецъ
Изъ тучъ вѣщавшаго невидимаго бога.
Вотъ отчего твой крестъ и блѣдный трупъ на немъ,
Прекрасное лицо и скорби выраженье,

И терніи, и кровь, и воины кругомъ
Глубоко поразятъ толпы воображенье,
Легенды создадутъ—стозвучный бредъ молвы—
И будутъ жить въ вѣкахъ, но вѣчно ли? Увы!
Гляди: вотъ храмъ, твой храмъ недавно,
Теперь невѣдомо онъ чей.
Передъ толпой ораторъ славный
Тамъ держитъ рѣчь. Все горячѣй,
Неудержимѣй льется слово.
Онъ говоритъ, что для земли
Столѣтья сумрака прошли,
Что міръ стряхнулъ съ себя оковы
Неправды, рабства — и твои!
Твою борьбу, твои мученья
Онъ осмѣянью предаетъ,
Твою любовь, твои ученья
Аскета бреднями зоветъ.
Тебя клеймитъ онъ изувѣромъ,
Голгоѳу—трусости примѣромъ
И школой нравственныхъ калѣкъ.
Онъ говоритъ: въ безумья вѣкъ
Вселенной правилъ богъ безумный,
Пусть Разумъ правитъ въ вѣкъ разумный!
И вотъ въ отвѣтъ его рѣчамъ,
Раздался громъ привѣтствій пылкихъ,
Раскрылась дверь — и вносятъ въ храмъ

На раззолоченныхъ носилкахъ
Полураздѣтую жену,
Законодательницу оргій.
Нѣтъ, не гремѣли встарину
Тебѣ подобные восторги!
Тебя смѣнивъ, какъ божество,
Вступилъ порокъ въ твою обитель,
Забытъ божественный Учитель
И вотъ—преемница его!
И вотъ она—толпа, развратная блудница,
Хоть пресыщенная давно,
То оргій бѣшеныхъ, то истязаній жрица,
Всегда безумная равно.
Рабы мучителей, мучители пророковъ,
Сыны отцовъ, которыхъ Богъ
Хоть смылъ съ лица земли, но все-жъ клейма пороковъ
Съ души дѣтей ихъ смыть не могъ.
И за толпу умрешь? Толпой же распятъ будешь?
Но слышишь: спятъ ученики...
Ужъ если спятъ они, ужель толпу разбудишь?
Вернись! Въ пустыню убѣги!..“

Такъ искушалъ злой духъ, ликуя безпредѣльно.
И другъ людей молчалъ, поникнувъ головой.
Душа скорбѣла въ немъ смертельно,

Съ чела катился потъ кровавою струей
И умъ изнемогалъ отъ тяжкаго боренья.
И вся вселенная въ тѣ горькія мгновенья
Недвижно замерла, молчала и ждала...
Великій, страшный часъ, когда въ душѣ скорбѣвшей,
Въ душѣ, за цѣлый міръ болѣвшей,
Свершалось таинство борьбы добра и зла.
И тамъ, на небесахъ, въ селеньяхъ жизни горней,
Настало царство тишины.
И самъ Господь скорбѣлъ, сокрывшись въ тучѣ черной.
Толпились ангелы, тоской омрачены.
И вдругъ одинъ изъ нихъ, съ поспѣшною тревогой
На землю ринулся...
Когда, по скорби многой,
Другъ міра поднялъ взоръ, уже стоялъ предъ Нимъ
Съ очами, полными надежды и испуга,
Безгрѣшной красотой сіявшій серафимъ.
И долго, грустные, глядѣли другъ на друга.
И ангелъ пѣлъ:

„Кто крестъ однажды хочетъ несть,
Тотъ распинаемъ будетъ вѣчно,

И если счастье въ жертвѣ есть,
Онъ будетъ счастливъ безконечно.

„Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ.
Любовь и скорьбь—одно и то же.
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже.

„Какое дѣло до себя
И до другихъ, и до вселенной
Тому, кто шествовалъ, любя,
Куда звалъ голосъ сокровенный!

„Но кто, боясь за нимъ идти,
Себя сомнѣніемъ тревожитъ,
Пусть броситъ крестъ среди пути,
Пусть ищетъ счастья, если можетъ...“

И прояснилися Скорбѣвшаго черты
И, руки вверхъ воздѣвъ, молился Онъ смиренно:
„Не такъ, какъ я хочу, а такъ, какъ хочешь Ты“.
И шопотъ радости промчался по вселенной.

Онъ разбудилъ учениковъ
И молвилъ: „Часъ мой наступаетъ“.

И чу! Имъ слышенъ звукъ шаговъ,
Къ нимъ звонъ оружья долетаетъ.
Мелькнули факелы въ кустахъ,
Снопъ свѣта вырвался оттуда.
И вотъ—съ улыбкой на устахъ
Изъ мрака крадется Іуда...

Счастье Прометея

Ты сдѣлалъ все, Зевесъ, чтобъ врагъ твой Прометей
Въ мученьяхъ искупилъ порывъ свой безразсудный.
Ты заточилъ его въ край дикій и безлюдный—
Его, такъ пламенно любившаго людей.
Къ заоблачной скалѣ, лицомъ на сѣверъ льдистый
Ты приковалъ его, и западъ золотистый
И рдѣющій востокъ горами заслонилъ,
Чтобъ день свой кроткій взоръ къ нему не преклонилъ,
Чтобъ теплые лучи больную грудь не грѣли,
Чтобъ вихорь сѣверный влеталъ въ его тюрьму
И съ воплемъ яростнымъ кидалъ въ глаза ему
Дожди осеннихъ бурь и острый снѣгъ мятели.

Когда-жъ ты узами тройными приковалъ
Безсильнаго врага къ безжизненной вершинѣ,

Предъ нимъ нагромоздилъ ты груды сѣрыхъ
скалъ
И молвилъ съ хохотомъ: „вотъ, недругъ мой,
отнынѣ
Сподвижники твои! Здѣсь можешь день и ночь
Провозглашать свои восторженныя бредни.
Благословляй людей! Кляни меня! Пророчь
Себѣ побѣды день, безсмертнымъ — день по-
слѣдній!..“

Такъ молвилъ ты, смѣясь, и съ той поры ти-
танъ
Не слышалъ словъ живыхъ,—живой средь скалъ
бездушныхъ.
Лишь утро каждое, чуть тронется туманъ
По скатамъ горъ, онъ ждетъ мучителей воздуш-
ныхъ.
И вотъ они летятъ, неся на крыльяхъ мракъ
Злорадства твоего, вотъ клювы раскрываютъ
И хриплымъ карканьемъ титану возвѣщаютъ:
„Онъ царствуетъ еще! Онъ царствуетъ, твой
врагъ!“
Потомъ, на край скалы предъ нимъ усѣвшись
рядомъ,
Они впиваются тупымъ, холоднымъ взглядомъ
Въ ту грудь, гдѣ ихъ когтей еще горятъ слѣды.

И, распаливъ свой гнѣвъ,—рабы чужой вражды,—
Бросаются на грудь и рвутъ, и рвутъ, не зная,
Кого казнятъ они, за что̀ его казнятъ...

Закинувъ голову и челюсти сжимая,
Безумьемъ боли весь, какъ пламенемъ, объятъ
Титанъ забылъ себя, людей забылъ, Зевеса,
Но помнитъ: не стонать! И не раздастся крикъ,
И казнь безмолвная, какъ безконечный мигъ,
И длится, и летитъ... И лишь когда завѣса
Румяныхъ сумерекъ на горы упадетъ,
Истерзанный титанъ очнется и вздохнетъ.
Вдоль тѣла льется кровь на камень, почернѣвшій
Отъ крови прежнихъ ранъ, и вновь его багритъ.
И вотъ промчался день. Больная грудь горитъ,
Блуждаетъ смутный взоръ, отъ пытки опьянѣвшій,
Какъ будто предъ собой такихъ-же лютыхъ дней
Онъ созерцаетъ рядъ съ грядущемъ безпредѣльный.
О, если-бы узнать, что муки не безцѣльны,
Что ихъ цѣной купилъ онъ счастіе людей.
О, если-бъ хоть на мигъ туда, за эти скалы,
Къ селеніямъ людскимъ, гдѣ труженикъ усталый
Теперь поетъ въ шатрѣ, семьею окруженъ,

Гдѣ слышенъ дѣтскій смѣхъ и громкій говоръ
женъ...
Свободны-ли они? Хранятъ-ли даръ священный?
Хранятъ-ли тотъ огонь, который Зевсъ над-
менный
Со злобой извергалъ изъ тучъ, таясь во мглѣ,
А онъ, титанъ, зажегъ съ любовью на землѣ
И силою любви заставилъ къ нему рваться?
Горитъ-ли онъ еще? Навѣки-ли исчезъ?
Кто скажетъ? Кто на вопль здѣсь можетъ отоз-
ваться?
Скала? Туманъ сѣдой?—Ты сдѣлалъ все, Зе-
весъ,
Чтобъ врагъ изнемогалъ, чтобъ черный демонъ
мщенья
Не складывалъ надъ нимъ своихъ тяжелыхъ
крылъ.
Ты отнялъ у него всѣ жизни утѣшенья,
Лишилъ его всѣхъ благъ... Но объ одномъ за-
былъ.

Въ горахъ Кавказа вечеръ наступаетъ.
На небѣ ночь готовится, какъ пиръ.
Подножіе скалы вкушаетъ миръ,
И медленно вершина засыпаетъ.
И Прометей кругомъ обводитъ взоръ

И видитъ: ужъ окутана туманомъ,
Обнявшись, спитъ семья усталыхъ горъ,
И лишь, какъ вождь надъ усыпленнымъ станомъ,
Не спитъ Казбекъ, и на его челѣ
Послѣдній лучъ горитъ нѣмой заботой.
Но лучъ погасъ, Казбекъ объятъ дремотой,
И все кругомъ заснуло на землѣ.
Одни ключи гремятъ во тьмѣ ущелій,
Хоть спящій міръ не можетъ имъ внимать:
Такъ иногда поетъ, забывшись, мать,
Когда дитя ужъ дремлетъ въ колыбели.

И, свѣжестью вечернею дыша,
Больной титанъ поникъ челомъ суровымъ,
Но незамѣтно скорбная душа
Стихаетъ, озаряясь чувствомъ новымъ.
Участьемъ кроткимъ къ собственной судьбѣ
Проникнутъ онъ теперь, и самъ себѣ
Онъ кажется какимъ-то другомъ дальнимъ
Иль дней минувшихъ вымысломъ печальнымъ.

И снова онъ кругомъ обводитъ взоръ.
На слившихся громадахъ черныхъ горъ

Снѣга вершинъ подъ темнымъ небосклономъ
Чуть-чуть видны въ мерцаніи зеленомъ,
Какъ облаковъ недвижныя гряды.
Кой-гдѣ дрожитъ надъ нимъ лучъ звѣзды,
Какъ свѣтъ въ ладьѣ, качаемой волнами.
А тамъ внизу, въ тѣснинахъ межъ камнями,
Ручьи гремятъ, и плачутъ, и поютъ
Про жизнь безъ чувствъ, про чувства безъ названій.
Забылся узникъ, внемля имъ. Встаютъ,
Какъ груды этихъ горъ, безъ очертаній,
Въ его душѣ мечты минувшихъ дней.
И чьи-то голоса проснулись въ ней,
Какъ эти говорливые потоки,
И плачутъ и поютъ про міръ далекій
Желаній, необъятныхъ, какъ просторъ
Ночныхъ небесъ, про думы и волненья,
Которымъ нѣтъ названья, ни сравненья...

И вновь титанъ кругомъ обводитъ взоръ.
О, что за блескъ! Въ лучахъ луны полночной
Зажглись вершины бѣлыя, горятъ,
Какъ алтарей хрустальныхъ легкій рядъ,
Какъ чистый храмъ богини непорочной,

И небо наполняютъ красотой
Стыдливо-недоступной и святой.
Вкругъ нихъ прозрачный океанъ эѳира
Едва струится, робостью объятъ,
И звѣзды, сколько есть въ пространствахъ міра,
На нихъ сквозь слезы радости глядятъ.

И позабылъ титанъ, что эта груда
Алмазныхъ льдовъ—его тюрьмы стѣна.
Сіяньемъ ихъ душа опьянена,
И силы нѣтъ бороться противъ чуда.
Онъ все забылъ.., И если даже ты
Предъ нимъ теперь предстанешь, Зевсъ надменный,—
Въ тебѣ благословитъ онъ лучъ нетлѣнный
Васъ вмѣстѣ озарившей красоты!

Забвенье и покой... Безмолвная богиня
Заворожила міръ—и міръ объемлетъ сонъ.
Заискрилась небесъ прохладная пустыня,
И мѣсяцъ радужнымъ сіяньемъ окруженъ.
Порою, Богъ вѣсть, чей раздастся вздохъ иль шопотъ,
И повторяютъ ихъ ночные голоса:

Имъ вторитъ на землѣ потоковъ смутный ропотъ
И вѣтеръ ласковый несетъ ихъ въ небеса.
Земля и небо спятъ въ мерцаніи лучистомъ,
Колеблетъ пламя звѣздъ воздушная струя.
И замеръ сонный міръ въ блаженствѣ бытія,
Въ любви таинственной и въ радованьи чистомъ.

Три музы

I

Вакханкой молодой ко мнѣ она вошла,
Въ одной рукѣ поднявъ бокалъ съ кипящей влагой,
Въ другой—вѣнокъ изъ розъ, и вся она цвѣла
Грѣхомъ и красотой, весельемъ и отвагой.
Кудрями свѣтлыми былъ низкій лобъ вѣнчанъ,
Изъ длинныхъ глазъ сверкалъ горячій взоръ и томный,
Въ послушныхъ складкахъ шелкъ, какъ тайну другъ нескромный,
Скрывалъ и выдавалъ богини грудь и станъ.

— За мной! звала она. За мной, мечтатель юный!—
И голосъ у нея пѣвучъ былъ и глубокъ.—
Испей мой сладкій ядъ, надѣнь живой вѣнокъ,

Блаженству посвяти мечты свои и струны.
Опутанный судьбой, забвенья жаждетъ міръ,
И всѣхъ превыше благъ онъ цѣнитъ, благодарный,
Объятья грѣшныя и виноградъ янтарный,
И вдохновенное безумье громкихъ лиръ.

Пой счастье и любовь счастливымъ и влюбленнымъ.
Изъ всѣхъ даровъ земныхъ лишь лучшіе бери:
У суетнаго дня—безпечный лучъ зари,
У мрачной ночи—блескъ луны надъ міромъ сонным,
У сердца—жаръ страстей, у времени—весну,
У матери земли—цвѣтущія дубравы,
И вмѣстѣ все сплоти въ гармонію одну,
И будутъ дни твои—дни радости и славы!—

II

Такъ рѣчь ея текла, и вѣялъ страсти зной
Отъ словъ и устъ ея, мнѣ душу зажигая.
Я руки къ ней простеръ, но въ этотъ мигъ другая
Богиня строгая явилась предо мной,
Со взоромъ, мечущимъ вражды и гнѣва пламя,
Въ доспѣхахъ воина, сильна и молода,

Съ руками, грубыми отъ тяжкаго труда,
И мечъ свѣтился въ нихъ, и развѣвалось знамя.

— За мной, звала она,—и, какъ призывъ трубы,
Былъ голосъ у нея, властительный и зычный.
Туда, на тѣсный путь лишеній и борьбы,
Гдѣ счастье—рѣдкій гость, гдѣ горе—гость привычный.
Буди огонь въ сердцахъ, усталыхъ ободряй!
Какъ музыкантъ въ бою предъ строемъ утомленнымъ,
Ступай передъ толпой со словомъ окрыленнымъ,
Съ ней вмѣстѣ и живи, и вмѣстѣ умирай!

И радость высшую тебѣ я дамъ въ награду,—
Что̀ передъ ней обманъ желаній и утѣхъ!
Твой стихъ, какъ божій духъ, прольетъ въ сердца отраду,
И братьевъ, и друзей создастъ тебѣ во всѣхъ.
Въ минуты счастія и въ бѣдствіи суровомъ,—
Надъ гробомъ друга другъ, надъ колыбелью мать,—
Твоими пѣснями, твоимъ правдивымъ словомъ,
Всѣ будутъ скорбь свою и радость выражать!..

III

Такъ рѣчь ея лилась,—и страстное волненье
Мнѣ сердце потрясло. Я руки къ ней простеръ,

Хотѣлъ сказать: я твой! — И вдругъ упалъ мой взоръ
На музу новую. Блѣдна, какъ привидѣнье,
Недвижная она стояла и съ тоской
Глядѣла въ очи мнѣ безумными очами.
У ней въ одной рукѣ тлѣлъ факелъ, а въ другой
Мерцало зеркало холодными лучами.

— Я не зову тебя,—она шепнула мнѣ,—
И этотъ шопотъ былъ такъ слабъ необычайно,
Что я не зналъ сперва, звучитъ-ли онъ извнѣ,
Иль собственной души внимаю голосъ тайный.—
Я не зову тебя, меня призвалъ ты самъ.
Я—жажда истины, я—совѣсть мірозданья.
За мною вьются вслѣдъ сомнѣнья и страданья,
Какъ желтые пески за вихремъ по слѣдамъ.

И знай: когда меня ты изберешь богиней,
Я благами земли тебя не одарю,
Но свѣточемъ своимъ всѣ чувства озарю,
И станетъ мысль твоя сожженною пустыней.
Окрѣпнетъ голосъ мой и превратится въ громъ,
И въ этомъ зеркалѣ, какъ вѣчность, неподкупномъ,
Во всемъ увидишь ложь, что ты считалъ добромъ,
И неизбѣжное—въ порочномъ и преступномъ.

Я поведу тебя въ пучину дѣлъ мірскихъ
И сокровенное въ сердцахъ людей открою.
Обманъ своей души увидишь ты и въ нихъ,
И не повѣришь ты пророку и герою.
Не опьянятъ тебя ни гордыя слова,
Ни битвы грозный шумъ, ни нѣжный плачъ свирѣли,
Въ безцѣльной суетѣ искать ты будешь цѣли
И рваться къ небесамъ, и жаждать божества.

Продлятся дни твои въ томленьи одинокомъ,
И будетъ пѣснь твоя досугъ твой отравлять.
Но я ей силу дамъ печалью уязвлять
Сердца, застывшія въ безвѣріи глубокомъ.
И шопотъ истины, какъ бы онъ ни былъ слабъ,
Въ ней будетъ слышаться сквозь крики отрицанья.—
Такъ молвила она. И, удержавъ рыданья,
Молчалъ я, какъ молчитъ передъ царицей рабъ.

Робкому соловью

I

Кротко-лучистая
Въ сумеркахъ теплыхъ зажглася звѣзда.
Льется прохлада душистая,
Въ берегъ звучнѣй ударяетъ вода.
И, убаюканы нѣжной волною,
Дремлютъ сады надъ безсонной рѣкою.

II

Грустью цѣлительной
Мирно обвѣянъ, я жду, притаясь...
Жду, чтобы пѣсней плѣнительной
Вешняя ночь, изнывая, зажглась.
Чу! Я дождался: изъ темной вершины
Трижды привѣтъ прозвучалъ соловьиный.

III

Скорбной загадкою
Вылилась пѣсня изъ мрака вѣтвей—

Тихо, какъ будто украдкою...
Что ты такъ робко поешь, соловей?
День миновалъ суетливый и душный.
Громче, смѣлѣй, утѣшитель воздушный!

IV

Къ ласкамъ свиданія
Друга зовешь-ли, страстнѣе зови!
Пой! Не стыдися признанія.
Нѣтъ ничего благодатнѣй любви.
Сила любви всѣмъ, что движется, правитъ.
Счастливъ, кто въ пѣснѣ любовь свою славитъ.

V

Если-же счастія
Грезу мгновенную жребій унесъ,—
Плачь! Не стыдися участія.
Нѣтъ ничего благотворнѣе слезъ.
Черная скорбь все живущее гложетъ.
Счастливъ, кто скорбь свою выплакать можетъ.

VI

Міра безбрежнаго,
Вѣчности темной не бойся, пѣвецъ.
Міръ безъ восторга мятежнаго,
Міръ безъ страданій—огромный мертвецъ.

Вѣчность мертва безъ живого мгновенья,
Жизнь холодна безъ огня вдохновенья.

VII

Видишь: печальнѣе
Мѣсяцъ склонился челомъ золотымъ,
Небо разверзлося дальнее.
Полночь прислушалась къ стонамъ твоимъ.
Слушаетъ ночь,—и, эѳиръ обжигая,
Грустныя звѣзды катятся, сверкая.

VIII

Пѣснь вдохновенная
Громче пусть льется, пѣвецъ красоты.
Вся тебѣ внемлетъ вселенная.
Я тебѣ внемлю—безсмертный, какъ ты.
Міръ этотъ—твой, пока въ мірѣ ты страждешь,
Вѣчность—твоя, пока вѣчности жаждешь.

Молитва

Усталъ горѣть янтарными огнями
И спитъ ручей, дыханье затаивъ.
Надъ нимъ сплелись душистыми вѣтвями
И также спятъ вершины грустныхъ ивъ.
Какъ лепестокъ цвѣтка по влагѣ сонной,
Скользитъ луна по синевѣ бездонной.
Сосновый боръ темнѣетъ и ростетъ,
И ночь сошла—и ночь меня зоветъ...

Зоветъ—и я иду въ просторъ полей росистыхъ,
На встрѣчу сумраку, въ объятья тишины.
О, быстрый взглядъ зарницъ! О, трепетъ звѣздъ лучистыхъ!
О, кроткое лицо рожденной вновь луны!
Какъ робкій пилигримъ вступаетъ въ храмъ обширный,
Я дѣтскою душой стремлюсь въ чертогъ вашъ мирный

И страстно васъ молю, какъ скорбный братъ и
другъ:
— Примите всѣ меня въ торжественный свой
кругъ!

— О, дайте вѣрить мнѣ, что бурное мгновенье
Моихъ земныхъ страстей безцѣльно не совсѣмъ;
Что совѣсти моей безплодное томленье,
Что скорбь моей души и вамъ не чужды всѣмъ;
Что къ жизни призванъ я семьею звѣздъ вели-
кой,
Какъ толкователь сновъ—забывчивымъ владыкой;
Что долженъ въ мигъ одинъ я разгадать тотъ
сонъ,
Который снится вамъ съ рожденія временъ.

— О, дайте вѣрить мнѣ, что если срокъ наста-
нетъ,
И мысли гордый лучъ погаснетъ на землѣ,
Вновь гдѣ-нибудь средь васъ изъ праха смертный
встанетъ,
И свѣточъ разума опять зажжетъ во мглѣ;
Что нашихъ слезъ ручьи должны опять пролиться;
Что будутъ гдѣ-нибудь опять богамъ молиться,
Иль, вѣру потерявъ, какъ я, въ полночный часъ
Искать сочувствія, о сонмы звѣздъ, у васъ.

— Еще я васъ молю: пролейте, о созвѣздья,
Мнѣ въ душу кроткій лучъ сіянья своего,
Чтобъ могъ бѣжать я зла, хоть нѣтъ за зло воз-
мездья,
Чтобъ могъ творить добро, не зная для чего;
Чтобъ я свой путь земной, какъ вы — свой путь
эѳирный,
Безъ думы о концѣ свершилъ, трудяся мирно;
Чтобъ взоръ моихъ очей всю жизнь горѣлъ
свѣтло;
Чтобъ было ихъ сомкнуть не слишкомъ тяжело...

Темнѣетъ ночь. Великой тишиною,
Вкушая сонъ, объятъ просторъ полей.
Потоки звѣздъ струятся надо мною,
Потоки слезъ текутъ въ душѣ моей.
Зарница-ль тамъ на небѣ заблистала?
Моя-ли грусть зарницей свѣтлой стала?
Безмолвный міръ и духъ мой обнялись
И въ пламенномъ лобзаніи слились...

Геній и трудъ

I

У священнаго дуба молились они,
Злополучные пасынки неба:
„Сжалься, Зевсъ! Отъ дождей всѣ потухли огни,
Въ шалашахъ мерзнутъ дѣти, нѣтъ хлѣба.
Сжалься! Въ дерево молніей жгучей ударь!
Дай огня! Очаги засвѣти намъ, какъ встарь".

II

Такъ молилися люди. А боги
Пировали въ то время у Зевса-отца.
Оглашались ихъ смѣхомъ чертоги,
Въ кубки свѣтлые нектаръ лился безъ конца.
И за шумомъ рѣчей сладкозвучныхъ
Зевсъ не слышалъ моленій докучныхъ.

III

Между тѣмъ въ отдаленной пещерѣ, трудясь,
Прометей замышлялъ роковое.

Онъ не вышелъ молиться, больнымъ притворясь,
Но его удержало иное:
Быстро старецъ о дерево дерево третъ,
Ноютъ руки его, по лицу льется потъ.

IV

И бормочетъ онъ: „Да, ты прекрасно,
О, небесное пламя! Изъ тучъ безъ труда
Ты нежданно летишь, но напрасно
Люди долго стрѣлы твоей ждутъ иногда.
Въ мигъ одинъ мощный дубъ одолѣешь,
Но порой и лачугъ не жалѣешь.

V

Нѣтъ, иной нуженъ людямъ огонь!“ И старикъ
Не бросаетъ тяжелаго дѣла.
Вдругъ въ пещерѣ послышался радости крикъ:
Древесина, дымясь, почернѣла.
Дымъ, синѣя, свиваетъ кольцо за кольцомъ,
И упорные сучья пылаютъ огнемъ.

VI

Среди пира огонь этотъ смѣлый
Вдругъ увидѣли боги съ далекихъ небесъ.
Прерванъ пиръ. Зевсъ нашелъ свои стрѣлы,
Наказать дерзновеннаго мчится Гермесъ.

Но ужъ поздно: старикъ восхищенный
Все повѣдалъ толпѣ изумленной.

VII

Долго въ тяжкихъ цѣпяхъ Прометей изнывалъ,
Искупая свой грѣхъ благотворный.
Но огня, имъ зажженнаго, Зевсъ не сковалъ;
Разгорался огонь непокорный.
И Олимпъ запылалъ, и наказанъ тиранъ,
И пришелъ человѣкъ, и раскованъ титанъ.

VIII

Будьте-жъ трижды вы благословенны,
Утѣшенья земныя въ скитаньи земномъ:
Трудъ, будящій огонь вздохновенный,
И огонь, разбужѐнный упорнымъ трудомъ,
Слезы замысла, потъ исполненья,
И завѣтная кровь искупленья!

Пѣсня

Черезъ пучину житейской невзгоды
Въ гавань, гдѣ плещутся тихія воды,
Съ пѣсней плыву я сквозь бурю и мракъ.
Не устрашаютъ меня испытанья.
Вѣтромъ попутнымъ мнѣ служатъ страданья,
Совѣсть—мой кормчій, и правда—маякъ.

Въ гавани дальней есть храмъ сокровенный.
Слышу изъ храма я голосъ священный,—
Не заглушитъ его ропотъ валовъ.
Знаю: съ тѣхъ поръ, какъ хаосъ миновался,
Онъ надъ землею всегда раздавался.
Голосъ священный! Я слышу твой зовъ!

Люди навстрѣчу во мракѣ мелькаютъ,
Стонутъ и тонутъ, кричатъ и смолкаютъ...
Люди, мы въ свѣтъ не случайно сошлись!
Гдѣ-то земные, нестройные крики
Въ гимнъ ликованья сольются великій.
Здѣсь, въ моемъ сердцѣ, они ужъ слились!

* * *

Въ годину пытокъ и клейменья,
Когда законъ каралъ изъ мщенья,
А кару совершалъ палачъ,—
Жилъ на Руси тюремный врачъ,
Слова Христовы чтившій свято,
Дитя душой, несчастныхъ другъ,
Въ преступникѣ жалѣвшій брата,
Въ злодѣйствѣ видѣвшій недугъ.
Семьѣ острожной, духомъ нищей,
Служилъ онъ молча, безъ хвалы,
Смотрѣлъ за платьемъ ихъ и пищей
И облегчалъ имъ кандалы.

Однажды къ плахѣ присужденный
Клялся въ слезахъ передъ врачемъ,
Что неповиненъ онъ ни въ чемъ.
Его слезами убѣжденный,
Искать защиты врачъ предсталъ

Передъ лицо митрополита.
Но пастырь выслушалъ сердито
Его слова и отвѣчалъ:
„Не можетъ быть, чтобъ осужденный
Страдалъ невинно. Судъ законный
Свое рѣшенье произнесъ,—
Вотъ противъ узника улика!“
И врачъ воскликнулъ: А Христосъ!
О немъ забыли вы, Владыка!

Смолкъ іерей, челомъ поникъ,
Сознавши словъ своихъ безумье,
И наконецъ шепнулъ въ раздумьѣ:
„Когда мой суетный языкъ
Глумился надъ несчастнымъ братомъ,
Не я о Господѣ распятомъ—
Богъ обо мнѣ забылъ въ тотъ мигъ!“

Прокаженный

...Богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, какъ скорбь и радость, сростилъ ихъ вершины.

Платонъ

Чуть прикрывъ наготу, съ головой обнаженной,
Въ сторонѣ отъ дороги онъ тихо шагалъ,
И, завидя людей, издалека кричалъ:
„Берегитесь! Идетъ прокаженный!“

И съ невольнымъ проклятьемъ толпа за толпой
Обходили его каменистой тропой
И роптали: „зачѣмъ вслѣдъ за нами
Онъ къ Сіону на праздникъ бредетъ?
Преступить городскихъ онъ не можетъ воротъ,
И нѣтъ мѣста ему на холмахъ за стѣнами...“
А когда Элеонъ показался вдали,
Весь до верху шатрами усѣянъ,
Къ тихимъ рощамъ священнымъ толпы галилеянъ,

Распѣвая осанну, пошли,
А несчастный тропой обожженной
Вдоль по ложу Кедрона въ пустыню побрелъ,
Гдѣ гіена живетъ, гдѣ гнѣздится орелъ.
— Пощадите! Идетъ прокаженный!
И его, беззащитнаго, звѣрь пощадилъ
И бездомному нору свою уступилъ.

Пышно праздникъ великій встрѣчаетъ Солимъ,
Полонъ храмъ, всѣ ступени народомъ покрыты,
Брыжжетъ кровь, и возносится жертвенный дымъ,
И поютъ словословья левиты.
Всѣ пришли преклониться предъ грознымъ Отцомъ
И просить, кто богатства, кто жизни,
Кто побѣды надъ римскимъ надменнымъ орломъ
И свободы для плѣнной отчизны.
И левиты поютъ, и литавры гремятъ,
И далеко по вѣтру тѣ звуки летятъ,
До пещеры въ скалѣ, до звѣринаго лога,
Гдѣ теперь человѣкъ обиталъ.
Онъ увидѣть хоть издали храмъ пожелалъ,
Но просить ему не о чемъ даже у Бога.
Онъ привыкъ жить безъ крова отъ бурь и песковъ,
Онъ привыкъ свои струпья не кутать въ одежды.

У него нѣтъ отчизны, друзей и враговъ,
Нѣтъ желаній давно и давно нѣтъ надежды.
Что̀ влекло его къ храму, не знаетъ онъ самъ,
И теперь, изъ пещеры, наполненной смрадомъ
Его собственныхъ язвъ, онъ блуждающимъ взгля-
домъ
Смотритъ вдаль, гдѣ блеститъ своей кровлею
храмъ,
И въ тоскѣ безпредѣльной, безъ мысли и слова,
Какъ тростникъ въ ураганъ, повергается въ
прахъ,
И руками бьетъ въ грудь, и бросается снова,
И какъ будто весь хочетъ истаять въ слезахъ.

Еслибъ камень иль дерево чувствовать стали
И свое одиночество поняли вдругъ,
Ихъ бы тотъ же объялъ безсловесный испугъ,
Они-бъ такъ же, какъ онъ, вопіяли.
Онъ рыдалъ оттого, что такъ тягостно жить
На землѣ, средь пустыни—увы—не безлюдной,
Онъ рыдалъ оттого, что такъ хочется жить,
Что разстаться съ сіяніемъ солнца такъ трудно...
Цѣлый день онъ скорбѣлъ... но съ вечерней
зарей
Стали слезы его все добрѣе и чище:
Такъ на старомъ, забытомъ кладбищѣ

Вдругъ повѣетъ прохладой весенней порой.
Изможденный, онъ молча лежалъ предъ пещерой
И глядѣлъ, какъ на храмѣ играетъ закатъ
И какъ звѣзды одна за другою спѣшатъ
Лить потоки лучей надъ пустынею сѣрой.
И цѣлительной влагой на язвы его
Тихо падали слезы прощенья.
И простилъ онъ, не вѣдая самъ отчего,
Всѣхъ простилъ онъ, кто мучилъ его отъ рожденья:
Вѣтеръ, зной, непогоду и даже—людей.
Онъ былъ счастливъ избыткомъ печали своей.
Величайшее счастье въ ту ночь онъ извѣдалъ.
Онъ, природою проклятый, людямъ чужой,
Кому Богъ ничего, кромѣ горестей, не далъ,—
Самъ онъ далъ себѣ счастье, какъ богъ...

А съ зарей,
Чуть прикрывъ наготу, съ головой обнаженной,
Въ сторонѣ отъ дороги онъ тихо шагалъ
И, завидя людей, издалека кричалъ:
„Берегитесь! Идетъ прокаженный!“

* * *

На палубѣ сырой мелькали мы, какъ тѣни.
Напрягши взоръ, глядѣлъ смущенный капитанъ.
И Волга, и земля исчезли въ отдаленьи.
Надъ ставшимъ кораблемъ шатромъ стоялъ туманъ.

И день прошелъ, и ночь. И день забрезжилъ снова.
Вдругъ долетѣлъ къ намъ звонъ и замеръ въ бѣлой мглѣ,—
Воскресный благовѣстъ, привѣтъ села родного...
Тамъ люди! Тамъ земля! Тамъ праздникъ на землѣ!

Окутанъ мглой страстей, тоски и униженій,
Я слышу иногда какой то бодрый зовъ.
То голосъ ли земной грядущихъ поколѣній,
Или привѣтъ иныхъ счастливѣйшихъ міровъ?

И вѣрю я въ тотъ мигъ: есть край обѣтованій.
И жадно внемлю гулъ далекихъ ликованій.

I

Мы въ тяжкій вѣкъ живемъ, — тяжелѣ былъ
едва-ль.
Терзаютъ мысль несчетныя обиды...
Но нужно жить, друзья! Безсильная печаль
И ожиданіе грядущей Немезиды
Рождаютъ лѣнь души. Межъ тѣмъ судьба не
ждетъ,
Съ арены міровой насъ гонитъ торопливо
И силы жизненной, растраченной лѣниво,
Намъ снова не вернетъ!

Пускай исторіи случайная невзгода
Убила наши юныя мечты,
Какъ ранній холодъ—нѣжные цвѣты.
Смирятся небеса! Вернется утро года!
Увидятъ дѣти въявь прекрасный сонъ отцовъ,
Лелѣя новый сонъ о будущемъ отчизны.
Но подвигъ есть другой — одинъ для всѣхъ
вѣковъ:
Священный подвигъ жизни.

II

Конца земной борьбы намъ видѣть не дано,
Рожденіе и смерть для насъ равно чудесны.
Прикованы къ землѣ, мы знаемъ лишь одно,—
Что въ нашемъ сердцѣ скрытъ огонь небесный.
Восторгъ божественный горитъ на днѣ души:
Такъ искру сталь таитъ и пѣсню—лира.
Добудь святой огонь! Самъ для себя сверши,
Что Прометей свершилъ для міра!

И какъ твой тайный жаръ другіе назовутъ—
Любовью къ ближнему, искусствомъ иль наукой,
Отрадою любви иль отреченья мукой,—
Не все-ль равно, какъ судитъ внѣшній судъ!
Лишь только-бы душа рвалась къ далекой цѣли
И чуждъ остался ей самодовольства сонъ,
Лишь только-бъ разумъ былъ сознаньемъ озаренъ
И чувства пламенѣли!

И если, бѣдный другъ, для сердца твоего
Придетъ пора печали и сомнѣній,—
Не бойся ихъ огня! На днѣ живыхъ мученій
Ты также обрѣтешь живое божество.
И даже въ грозный день, уже обвѣянъ тлѣньемъ,
Не погаси въ душѣ небеснаго луча,
Но страстно божій даръ пріемли не ропща,
Съ послѣднимъ откровеньемъ!

Быть можетъ, міръ прекраснѣй былъ когда то,
Быть можетъ, мы отвержены судьбой.
Въ одно, друзья, въ одно я вѣрю свято,
Что каждый вѣкъ быть долженъ самъ собой.

Нѣтъ, за свою печаль, свою тревогу
Я не возьму блаженства прошлыхъ дней.
Мы, отрицая, также служимъ богу,
Какъ наши предки—вѣрою своей.

Пускай мы пьемъ изъ ядовитой чаши.
Но если Богъ поставилъ міру цѣль,
Безъ насъ ей не свершиться. Скорби наши—
Грядущихъ ликованій колыбель.

Мои сомнѣнья созданы не мною,
Моя печаль скрывается въ вѣкахъ.

Знать, вѣра предковъ родилась больною
И умереть должна у насъ въ сердцахъ.

Изъ рукъ судьбы свой крестъ беру смиренно,
Сомнѣній ядъ хочу испить до дна.
Лишь то, чѣмъ мы живемъ, для насъ священно—
И пусть придутъ иныя времена!

Утѣшеніе

Оно не въ книгахъ мудреца,
Не въ сладкихъ вымыслахъ поэта,
Не въ громкихъ подвигахъ бойца,
Не въ тихихъ подвигахъ аскета.

Но между тѣмъ какъ скорби тѣнь
Ростетъ, ложась на все святое—
Смотри: съ востока, что ни день,
Восходитъ солнце золотое.

И каждый годъ цвѣтетъ весна,
Не зная думы безотрадной,
И, солнца лучъ впивая жадно,
Спѣшатъ на волю сѣмена.

И всходы тайной силой пучитъ,
И вскорѣ листья рождены,

И вѣтеръ ласковый ихъ учитъ
Шептать названіе весны.

Душа свершила кругъ великій.
И вотъ, вернувшись къ дѣтскимъ снамъ,
Я вновь, какъ праотецъ мой дикій,
Молюсь деревьямъ и звѣздамъ.

Мой демонъ

Нѣтъ, никогда съ тѣхъ поръ, какъ мрачныя
созданья
Сомнѣній и тоски тревожатъ духъ людей
Гордыней гнѣвною иль смѣхомъ отрицанья,
Или отравою страстей, —

Съ тѣхъ поръ какъ мудрый Змій изъ праха по-
казался,
Чтобъ демономъ взлетѣть къ надзвѣздной вы-
шинѣ,—
Донынѣ никому онъ въ мірѣ не являлся
Столь мощнымъ, страшнымъ, злымъ, какъ
мнѣ...

Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что пламенной пе-
чати
Злорадства и вражды не выжжено на немъ,

Что небу онъ не шлетъ угрозъ и проклятій
И не глумится надъ добромъ.

Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, правду отрицая,
Онъ высшей правды ждетъ страстнѣй, чѣмъ серафимъ.
Мой демонъ страшенъ тѣмъ, что, душу искушая,
Уму онъ кажется святымъ.

Привѣтна рѣчь его, и кротокъ взоръ лучистый,
Его хулы звучатъ печалью неземной.
Когда-жъ его прогнать хочу молитвой чистой,
Онъ вмѣстѣ молится со мной...

Везувій

Мы тяжело и медленно въѣзжали
Дорогой пыльной. Близко и вдали
Потоки лавы свившейся лежали,
Какъ спекшаяся кровь изъ нѣдръ земли.
И высоко стоялъ шатеръ громадный:
То, дыма тонкимъ пологомъ обвитъ,
Чернѣлъ Везувій. Все являло видъ
Безплодный, безпріютный, безотрадный.
Лишь далеко за нами въ смутной мглѣ
Мерещились отрадныя для взора
Равнины водъ, подобныя землѣ,
И острова средь вольнаго простора,
И берегъ синій, какъ морская даль.

Мы ѣхали безмолвно. И печаль
Твои черты покрыла тѣнью блѣдной.
И на меня раздумье налегло.
Я вспомнилъ то, что было и прошло,

Прекраснымъ было и прошло безслѣдно.
И вспомнилъ я: вотъ ровно десять лѣтъ,
Какъ молодой волнуемый тревогой,
Я поднимался этой же дорогой.
Гдѣ чувства прежнихъ дней? Во мнѣ ихъ нѣтъ.
Тогда, я помню, въ людяхъ и въ природѣ,
Въ созданьяхъ красоты, въ тиши руинъ,
Во всемъ, вездѣ я чуялъ смыслъ одинъ,
Все говорило сердцу о свободѣ,
О родинѣ, о святости борьбы.
Везувій мнѣ являлъ подобье силы,
Родящей міру новыя судьбы,
И даже вы, помпейскія могилы,
О мертвомъ рабствѣ рѣчь вели со мной.
Тѣ чувства я воспѣлъ въ стихахъ правдивыхъ,
И откликъ, хоть не громкій, но живой
Они нашли въ сердцахъ вольнолюбивыхъ.
Не бьются больше вѣрныя сердца.
Я видѣлъ смерть, я подглядѣлъ измѣну.
Иное племя вышло намъ на смѣну
Міръ новыхъ пѣсенъ проситъ у пѣвца.
Кто правъ,—Богъ вѣсть. Живая кровь застыла
Въ сердцахъ людей—и стала жизнь блѣдна.
Но кто разбудитъ насъ отъ сна?
Какой герой, какая сила?

Такъ думалъ я — и вдругъ мои мечты
Прервалъ твой голосъ нѣжный и спокойный.
— Смотри, какая грусть!—сказала ты:
Какъ тяжело по этой пыли знойной
Тащиться лошадямъ на скатъ крутой!
И такъ всегда. Нѣтъ въ мірѣ наслажденья,
Не купленнаго чьей-нибудь бѣдой.
Бываютъ дни... Что̀ мысли, разсужденья,
Когда безъ словъ, такъ ясно вдругъ поймешь
Всю истину судьбы, всю нашу ложь!
Кто вправѣ жить? Кто вправѣ жаждать счастья?
Кого любить, когда равно всѣхъ жаль?
И чѣмъ жестокость хуже безучастья?
Богъ, красота, добро — и то едва-ль
Служить имъ можно такъ, что-бъ не болѣло
Чье-либо сердце. Грустно на землѣ.
Идемъ пѣшкомъ. Сидѣть мнѣ надоѣло.

И мы пошли по камнямъ и золѣ.
Какъ прежде, вдаль ты взоръ свой устремила,
А мнѣ казалось, что въ душѣ моей
Читаетъ онъ и понялъ безъ рѣчей
Вопросъ безмолвный.
— Есть живая сила!
Я вѣрю, міръ сей будетъ обновленъ.
Пусть голосомъ озлобленнымъ пророки

Вѣщаютъ про смиренье, мысли сонъ
Баюкая, увы, безъ нихъ глубокій!
Пока живутъ страданья, злоба, страхъ,—
И жалость не умретъ въ простыхъ сердцахъ.
Когда-нибудь она придетъ, нахлынетъ,
Исчезнетъ скорбь и смоется позоръ.—
О, другъ прекрасный! До тѣхъ поръ
Твой взоръ померкнетъ, кровь остынетъ...

Искусство

Въ глухой полночный часъ взгляни на лѣсъ цвѣтущій,
Потомъ въ лучахъ утра на тотъ-же лѣсъ взгляни.
Не тѣ же-ль предъ тобой шумятъ деревьевъ кущи,
Не тотъ-же ли ручей лепечетъ въ ихъ тѣни?
Иль утро свѣтлое ручей обогатило
Хотя-бъ одной струей, одною вѣткой—лѣсъ?
Но ты ихъ не узналъ: ихъ солнце освѣтило!
И волны ожили, и каждый листъ воскресъ.
И все, что въ нѣдрахъ тьмы дремало сокровенно,
Ликуя, родилось передъ лицомъ вселенной...

Сказка

Въ далекія страны
Журавль улетѣлъ,
Сгустились туманы,
Цвѣтокъ захирѣлъ.

Къ землѣ онъ устало
Приникъ въ тишинѣ,
И жаль его стало
Могучей соснѣ.

Средь полночи мглистой,
Участья полна,
Вершиной иглистой
Качнула она.

И голосъ побѣдный
Раздался изъ тьмы:
— Не бойся, другъ бѣдный,
Холодной зимы!

Утѣшься въ кручинѣ
Примѣромъ моимъ:
Встрѣчала донынѣ
Я множество зимъ.

Прошли эти зимы,
Иныя пройдутъ,
Мои жъ невредимы
Всѣ вѣтви цвѣтутъ.

Лишь въ новой одеждѣ
Возстану отъ сна.
Ты также—
Но прежде
Чѣмъ смолкла сосна,

Надвинулись тучи
Съ холодныхъ небесъ,
И саванъ летучій
Спустился на лѣсъ.

И, снѣгомъ покрытый,
Цвѣтокъ навсегда
Исчезъ, позабытый,
Пропалъ безъ слѣда...

Фонтанъ

Подъ солнцемъ лѣтнимъ, въ часъ полдневный,
Въ пескѣ горючемъ я шагалъ.
Тяжелый зной, недвижный, гнѣвный,
Лицо пустыни сожигалъ.
Объяты ужасомъ, застыли
Утесы мглистою грядой.
На нихъ, сквозь дымку ѣдкой пыли,
Кой-гдѣ виднѣлся мохъ сѣдой,
И росъ бурьянъ мертворожденный.
Блестѣлъ сводъ неба раскаленный.
И блескъ, и зной, и мгла, и сонъ,
Казалось, въ душу проникали.
Я шелъ, въ бездумье погруженъ,
Исполненъ страха и печали.

И вдругъ какихъ то близкихъ струй
Въ тиши послышалось журчанье,—
Нѣжнѣй, чѣмъ дѣтскій поцѣлуй,
Звучнѣй, чѣмъ гуріи лобзанье.

И въ тѣлѣ немощномъ моемъ
Проснулась бодрость и веселье,
Когда сокрытый водоемъ
Передо мной блеснулъ въ ущельѣ.
Бѣжалъ изъ камня ключъ живой,
А надъ живымъ ключемъ фонтана
Глаголъ незыблемый корана
Былъ врѣзанъ набожной рукой.

Молитву небу прошептавши,
Къ студеной влагѣ я приникъ:
— Благословенъ Господь, создавшій
Въ груди скалы живой родникъ.
Благословенъ, кто въ духъ мой мрачный,
Сухой, какъ груды этихъ скалъ,
Внѣдрилъ источникъ слезъ прозрачный
И письмена любви вписалъ!

* * *

Блескомъ солнца небо ослѣпляетъ,
Даль морская—отблескомъ небесъ.
Теплый вѣтеръ усыпляетъ
Кипарисовъ гордый лѣсъ.
А кругомъ и таетъ, и синѣетъ
Голыхъ скалъ зубчатая гряда.
Я гляжу—и сердце млѣетъ
Отъ блаженства и стыда.
Стыдно мнѣ, что нужно такъ немного
Для души измученной людской,
Чтобъ утихла въ ней тревога
И борьбу смѣнилъ покой;
Что сильнѣй сознательнаго горя
Кипарисовъ благовонный лѣсъ,
Шорохъ листьевъ, шопотъ моря
И безмолвіе небесъ.

На высотѣ

Я бросилъ повода, я волю далъ коню,
Я настежь распахнулъ души своей темницу
Навстрѣчу теплому, безоблачному дню,
Холмамъ, въ осеннюю одѣтымъ багряницу.
Какая даль кругомъ! Объяты тишиной
Желтѣющая степь, распаханныя нивы,
Салгира синяго веселые извивы
И скалы, ставшія угрюмою стѣной.
А тамъ, за ихъ стѣной, я чую близость моря:
Оттуда съ ласковымъ дыханьемъ вѣтерка
Сребристыя плывутъ къ утесамъ облачка—
Небесныя мечты среди земного горя.

Нѣтъ, этотъ свѣтлый день безслѣдно не пройдетъ!
Когда я возвращусь на сѣверъ нашъ тоскливый,
И вновь почувствую зловѣщихъ мыслей гнетъ,
Я вспомню эту степь, холмы, лѣса и нивы.
Тогда на эту высь я вновь мечтать приду...

Приду, но не одинъ,—а силой вдохновенья
Я и тебя, мой другъ, съ собою приведу,
Какъ я тоскующій и жаждущій забвенья.
Подъ музыку стиховъ замретъ въ душѣ тоска,
Предъ тайной красоты смирится умъ усталый.
Холмы обступятъ насъ. Змѣей сверкнетъ рѣка.
И тучки приплывутъ лобзать сѣдыя скалы.

Херсонесъ

Печальнѣй никогда не видѣлъ я руинъ.
Разрытые дома зіяютъ, какъ могилы.
На пыльныхъ насыпяхъ растетъ бурьянъ унылый
И съ вѣтромъ плачущимъ бесѣдуетъ одинъ.
Ютится мохъ на днѣ разрушенной цистерны.
Низринутъ мавзолей и спитъ, какъ стражъ не-
вѣрный.

И тихо межъ руинъ бродилъ я, какъ больной.
Холодный страхъ въ душѣ смѣнялся скорбью
жгучей.
И наконецъ я сталъ надъ каменистой кручей,
Откуда моря даль открылась предо мной.
Жемчужные валы къ подножью припадали
И, безутѣшные, метались и стонали.

Межъ тѣмъ закатъ разлилъ кровавые ручьи
На море зыбкое, и тучекъ вереницы
Поднялись въ глубь небесъ, какъ огненныя птицы

И день имъ посылалъ послѣдніе лучи.
Проснулся колоколъ въ безвучномъ отдаленьѣ
И слилъ съ рыданьемъ волнъ торжественное пѣнье.

Но вскорѣ отблескъ розъ на жемчугѣ волны
Сталъ быстро угасать. Кой-гдѣ огни мелькнули.
Проснулись небеса и берега заснули.
Лишь пѣнистый прибой гудѣлъ средь тишины,
Да у меня въ душѣ молитвенно звучали
Аккорды нѣжные восторга и печали.

На кораблѣ

Ни думъ, ни тревогъ... Эти дни я живу,
Отдавшись во власть благодѣтельной феѣ.
Здѣсь небо свѣтло, и чѣмъ дальше плыву,
Тѣмъ глубже оно и свѣтлѣе.

Вотъ якорь свободенъ и парусъ надутъ.
Впередъ!—и пусть жемчугъ кипитъ за кормою.
Какъ шейхи, навстрѣчу намъ волны идутъ
Зеленыя, съ бѣлой чалмою.

На палубѣ собранъ племенъ маскарадъ:
Кейфуютъ, хохочутъ, бесѣдуютъ шумно.
Рѣчей не пойму я—и вѣрить я радъ,
Что каждое слово разумно.

Ни думъ, ни тревогъ... Я сомнѣнья забылъ
Съ ихъ жгучей тоской, съ ихъ насмѣшкою ѣдкой.
Я темную книгу познанья закрылъ
И яркой любуюсь виньеткой.

Затишье

Какъ тучки вешнія, обрывки пѣсенъ таютъ
Сегодня надо мной.
И риѳмы звонкія щебечутъ и летаютъ,
Какъ хоры птицъ весной.

Не быть грозѣ весь день. Сегодня вдохновенье
Ни снизойдетъ къ пѣвцу,
И не подвинется завѣтное творенье
Къ желанному концу.

Обрывки думъ и грезъ, блестя, несутся мимо,
Какъ тучки въ свѣтлый день.
И въ дремлющей душѣ царитъ неодолимо
Плѣнительная лѣнь.

Въ горахъ

Здѣсь тучи родятся. На горы взирая,
Здѣсь учится вѣтеръ лѣпить облака.
Отсюда они, какъ изъ стана войска,
Всю землю воюютъ отъ края до края.

И прежде чѣмъ въ дальній умчаться походъ,
Здѣсь часто вкругъ солнца сбираются тучи,
И строятся чинно, и взадъ, и впередъ
Безстрашно шагаютъ чрезъ бездны и кручи.

Вотъ въ пурпуръ одѣтый промчался отрядъ,
Вотъ въ сизыхъ доспѣхахъ идутъ исполины.
Все небо въ движеньи, зарницы горятъ,
И солнце, какъ вождь, озираетъ дружины.

Вечерняя звѣзда

Я былъ одинъ въ странѣ чужой,
Весь день душа томилась горемъ.
Но вечеръ снизошелъ надъ моремъ,
И ты блеснула предо мной.

На небѣ темномъ, не мерцая,
Всю ночь наполнивъ красотой,
Сіяла ты лучами рая,
Какъ взоръ Киприды золотой.

И я сказалъ: покуда въ скалы
Прибой пѣвучій нѣжно бьетъ,
И, провожая день усталый,
Звѣзда любви сіянье льетъ,—

Какъ жизнь порой ни безпощадна,
Когда ни чей не ждетъ привѣтъ,
Она желанна и отрадна,
И одиночества въ ней нѣтъ.

Женевское озеро

Мѣняя цвѣтъ и блескъ, всегда ты безмятежно
Къ подножьямъ горъ несешь прозрачныя струи—
И даже гнѣвъ грозы ты отражаешь нѣжно,
Какъ сердце чистое—страданія свои.

Въ тебя закатъ влюбленъ и полдню ты желанно:
Они твою лазурь лелѣютъ неустанно,
И солнце, кончивъ путь на небѣ голубомъ,
Покоится въ тебѣ пылающимъ столбомъ.

Ты людямъ дорого: здѣсь колыбель свободы,
Здѣсь пѣсней Байрона тюрьма освящена.
На берегахъ твоихъ братаются народы,
И въ первый разъ войнѣ объявлена война.

Всѣмъ чувствамъ говоря про миръ благословенный,
Ты — нашихъ бурныхъ дней Генисаретъ священный.

Южный полдень

Дрожащій блескъ по воздуху разлитъ,
День пышетъ страстью свѣтлой и великой,
И, какъ раба, ласкаема владыкой,
Волна оцѣпенѣла и молчитъ.
Къ подножью маслинъ съ блѣдными листами
И олеандровъ, рдѣющихъ цвѣтами,
Прижались робко тѣни ихъ вѣтвей.
И вся земля, лишенная тѣней,
Въ объятіяхъ небесъ изнемогая,
Горитъ и полдню отдалась, нагая.

Въ садахъ, подъ неподвижной пеленой
Благоуханій, въ сладостномъ покоѣ,
Незримо переходитъ солнца зной
И въ виноградный сокъ, и въ ядъ алое.
Цвѣтетъ, ликуя, все, что жизнь таитъ.
И даже скалъ желтѣющій гранитъ,
Не выдержавъ лобзаній раскаленныхъ,
Стыдясь, рождаетъ солнцу зелень мховъ.

Лишь голые утесы береговъ,
Внезапной тишиною пробужденныхъ,
Глядятъ въ стекло зелено-синихъ водъ
И съ грустью видятъ въ нихъ свои морщины.
А тамъ, вдали, безъ вѣтра пыль встаетъ.
Нѣтъ, то не пыль. То горныя вершины
Мерещатся, какъ призраки иль сны,
Сквозь отраженный блескъ лучей отвѣсныхъ.
И, кажется, средь общей тишины
Заснуло время въ глубинахъ небесныхъ.

Вечеръ

Нежданно и неслышно подошли
Зари вечерней робкія мгновенья.
Часъ разставанья, часъ отдохновенья.
Проснулся вѣтерокъ, волна вдали
Къ утесу льнетъ и не таитъ дыханья,
Задвигались въ садахъ благоуханья,
И день уноситъ яркій свой покровъ
За черныя зазубрины холмовъ.

Я вижу сверху, какъ въ лощинѣ темной
Румяныя стѣснились облака.
Они дымятся, словно тамъ огромный
Потухъ костеръ. Межъ тѣмъ издалека
Безъ вѣтра, силой движимыя тайной,
Плывутъ двѣ тучки, столь необычайны
По яркой красотѣ, столь горячи,
Что, кажется, усталое свѣтило
Съ улыбкой имъ, какъ дѣтямъ, уступило
На этотъ часъ весь блескъ свой и лучи.

Онѣ обходятъ мирныя вершины,
На каждой отдыхаютъ мигъ единый
И далѣе плывутъ, спѣша разнесть
О чемъ-то вѣчномъ радостную вѣсть.

И вижу я, какъ море поблѣднѣло
И, прежде чѣмъ одѣться въ мракъ ночной,
Блеститъ жемчужной, легкой бѣлизной,
Какъ бы съ землей разстаться захотѣло.
А тамъ, гдѣ днемъ темнѣли складки водъ,
Теперь змѣится отблескъ золотистый,
И гребни волнъ, свершая дружный ходъ,
Рисуютъ за собою путь огнистый.

На берегъ моря, на призывъ живой,
Иду садами, полными прохлады.
Окутаны ихъ бѣлыя ограды
До середины сочною листвой.
Какъ души спящихъ тѣлъ, благоуханья
Плывутъ, сходясь на тайныя свиданья.
Печальный эвкалипта ароматъ
Слился со страстнымъ запахомъ ванили,
И робко ищетъ встрѣчъ дыханье лилій.

И вотъ валы у ногъ моихъ шумятъ.
Послѣдній лучъ на морѣ угасаетъ,

Зажглась на небѣ первая звѣзда.
И вмѣстѣ съ пѣной слабый свѣтъ бросаетъ
На груды скалъ безсонная вода.

Въ такую ночь, волнѣ внимая звучной,
Какъ беззавѣтно былъ бы счастливъ тотъ,
Кто чистъ душой, въ чьемъ сердце не живетъ
Воспоминаній демонъ неотлучный...

---

* * *

Безкрайный сводъ небесъ, полей просторъ безбрежный,
Вечерній смутный часъ безъ солнца и луны.
Такая высь и даль, что гордый стволъ сосны
Затерянъ средь луговъ, какъ травки стебель нѣжный.

И въ этотъ часъ, межъ двухъ безбрежностей одинъ,
Отважный мотылекъ взвился, плыветъ-трепещетъ,
На мигъ прильнулъ къ цвѣтку, — влюбленный властелинъ,—
И прочь! И воздухъ пьетъ, мелькаетъ, вьется, блещетъ.

Откуда прилетѣлъ? Куда его полетъ?
Гдѣ взялъ онъ силу жить и жизнью упоенье?
Онъ слабъ и одинокъ, и скоро ночь сойдетъ.
И все-жъ прекраснѣй онъ теперь, чѣмъ все творенье.
Не такъ-ли, вѣчностью окружено, живетъ
Мое отрадное и слабое мгновенье?

Надъ арфою она склонилась и играла,
Будила рокотъ струнъ движеньемъ бѣлыхъ рукъ.
Она къ мелодіи объятья простирала,
И замиралъ у ней въ объятьяхъ каждый звукъ.

Прильнувшій къ арфѣ станъ съ головкой наклоненной—
Какъ геній этихъ струнъ, какъ пѣсни стройный духъ—
Сливался въ полутьмѣ съ доскою золоченной,
Чаруя глазъ, межъ тѣмъ какъ пѣснь ласкала слухъ.

Иль то была не пѣснь. Безъ страсти, безъ печали
Созвучія лились, какъ пѣнье птицъ въ глуши.
Казалось, не душа томилась въ нихъ,—звучали
Одни предчувствія младенческой души.

Такъ безмятеженъ былъ склоненный профиль чистый,
Такъ арфы золотой былъ нѣженъ звонъ сребристый.

О, рай невѣдѣнья! О, дѣтства свѣтлый храмъ,
Единый въ мірѣ храмъ, никѣмъ не осквер-
ненный.
Увы, доступенъ ты лишь дѣвственнымъ мечтамъ,
Душѣ, въ добрѣ и злѣ равно неискушенной.
Тотъ, кто въ садахъ твоихъ блаженствуетъ, какъ
богъ,
Еще не человѣкъ. Онъ своего блаженства
Борьбой не заслужилъ. Невольно, какъ цвѣтокъ,
Онъ чистъ и совершенъ, не жаждавъ совершен-
ства.
Но чуть простится онъ съ убѣжищемъ твоимъ
И вступитъ въ бурный кругъ страданій и со-
мнѣній,
Навѣки для него твои закрыты сѣни...
Души, запятнанной паденіемъ однимъ,
Однимъ грѣховнымъ сномъ, мечтой грѣха единой,
Не въ силахъ убѣлить самъ Богъ своей слезой.
Такъ дубу, въ краткій мигъ спаленному грозой,
Ужъ больше не шумѣть столѣтнею вершиной.

* *
*

Мимо солнца яснымъ утромъ
Тучка сѣрая плыла,
Янтаремъ и перламутромъ
На мгновенье разцвѣла.

Но умчалась тучка вскорѣ
Въ даль безбрежную—туда,
Гдѣ ея нѣмое горе
Потонуло безъ слѣда.

Въ полдень солнце позабыло,
Сколько тучекъ передъ нимъ
Съ вѣтромъ утреннимъ проплыло
И растаяло, какъ дымъ.

Съ восточнаго

Подъ фатой невидимая зрѣетъ
Милой дѣвы красота.
На нее женихъ глядѣть не смѣетъ.
Въ брачный день падетъ фата.

Въ нѣдрахъ почки зрѣетъ одиноко
Сердце розы молодой.
Даже дня всевидящее око
Не подсмотритъ сонъ святой.

Такъ и мысль незримо созрѣваетъ
Средь безлюдья и тиши.
Въ шумномъ спорѣ сердце остываетъ.
Слово—это паръ души.

* * *

Я полноты любви не вѣдалъ никогда.
Едва произносилъ я новое признанье,—
И горечь новой лжи, и скука, и вражда,
И память мертвыхъ чувствъ губили обаянье.
Едва любимый станъ я властно обнималъ,—
И сердце торжествомъ насмѣшливымъ кипѣло,
И демонъ или богъ, живущій въ немъ, шепталъ,
Что душу я гублю, что оскверняю тѣло.
Но мощь твою, любовь, я до конца постигъ,
Когда на вѣкъ терялъ ненужное мнѣ счастье.
О, ревность низкая! О, злоба и безвластье
Передъ чужой душой, блаженной въ этотъ мигъ!
Но вѣрить-ли себѣ? Межъ тѣмъ какъ было больно,
Больнѣй, чѣмъ въ смертный часъ, я втайнѣ ликовалъ,
Я счастье чуждое, скорбя, переживалъ,
Въ лицѣ измѣнницы, сочувствуя невольно,
Встрѣчалъ зарю любви и нѣжнаго стыда.

И самъ, горя отъ мукъ, я чувствовалъ тогда,
Что сердце дѣтское опять въ груди забилось,
Что чистыя мечты изсякли не совсѣмъ,
Что онъ еще цвѣтетъ, потерянный эдемъ,
Что можно такъ любить, какъ въ дѣтскихъ снахъ
любилось!

* * *

Пускай на грудь мою, согрѣтую любовью,
Прокралась клеветы холодная змѣя.
Друзей и недруговъ согласному злословью
Свою любовь, какъ щитъ, противоставлю я.
За то, что, позабывъ боязнь и лицемѣрье,
Я душу обнажилъ предъ взорами людей
И все въ ней развѣнчалъ: и вѣру, и безвѣрье,
И снялъ завѣсу лжи съ желаній и страстей,—
Они меня, глумясь, безумцемъ обозвали...
О, если правъ ихъ судъ,—мое безумье въ томъ,
Что тайну вѣчности и неземной печали
Богъ въ сердцѣ мнѣ вписалъ пылающимъ перстомъ.
Мое безумье въ томъ, что разума сомнѣнья
И язвы совѣсти открыты мнѣ до дна.
Мое безумье въ томъ, что истина страшна,
Что люди любятъ ложь и жаждутъ опьяненья!

Лишь тотъ достоинъ быть, Господь любвеобильный,
Пророкомъ словъ Твоихъ, кто счастливъ самъ, какъ Богъ.
А я усталъ, я сердцемъ изнемогъ.
Мой приговоръ въ моей тоскѣ безсильной.
Зачѣмъ я полюбилъ земную красоту,
Зачѣмъ у женскихъ ногъ шепталъ молитву божью?
И вотъ наказанъ я за страсть и суету,
За ложь любви казненъ измѣны ложью.
И мнѣ не жаль себя...

Пушкинъ

Какъ свѣтлый полубогъ языческаго міра,
Онъ взятъ былъ отъ людей, чтобъ вѣчной стать
звѣздой.
О, пѣсня Пушкина! Надъ русскою землей
Она горитъ во тьмѣ средь чистаго эфира.

Въ ней всѣ лучи слились: святыни и страстей,
Сомнѣній и надеждъ, восторга и печали.
И оттого она въ безмолвіи ночей
Струитъ столь бѣлый свѣтъ изъ побѣжденной дали.

Однажды этотъ свѣтъ чуть въ тучахъ не исчезъ,
Но тучи пронеслись, и пушкинская слава,
Какъ прежде, свѣтитъ намъ, спокойно-величава.
Предъ ней мы всѣ равны, какъ предъ лицомъ
небесъ.

Она волнуетъ духъ, она ласкаетъ очи.
О, Пушкинъ! Сиріусъ холодной русской ночи!

ПѢСНИ ЛЮБВИ

ЦИКЛЪ ПЕРВЫЙ

Твоей кожи загаръ — какъ пустыни песокъ,
Когда гаснетъ заря утомленная;
Твои очи глубоки, какъ темный потокъ,
Куда смотрится зелень спаленная.

Твое тѣло душисто, какъ въ полдень смола,
Твои губы, какъ роза раскрытая.
И улыбка на нихъ, какъ на розѣ пчела,
Какъ на розѣ пчела ядовитая.

Въ моей душѣ любовь восходитъ,
Какъ солнце, въ блескѣ красоты,
И пѣсни стройныя рождаетъ,
Какъ ароматные цвѣты.

Въ моей душѣ твой взоръ холодный
То солнце знойное зажегъ.
Ахъ, если-бъ я тѣмъ знойнымъ солнцемъ
Зажечь твой взоръ холодный могъ!

(Съ восточнаго)

Красою — женщина, еще дитя — лѣтами,
Она меня влечетъ и будитъ страхъ во мнѣ.
Хочу любить шутя, а сердце въ тишинѣ
Томится жгучими и сладкими мечтами.

Такъ полный инеемъ, расцвѣтшій въ эту ночь,
Въ лучахъ утра блеститъ цвѣтокъ жасмина бѣлый.
И ранняя пчела надъ нимъ гудитъ несмѣло,
Прильнуть къ нему боясь, отстать не въ силахъ прочь.

Въ разлукѣ горькой сладкій Сонъ
Единый былъ мнѣ утѣшитель.
Съ тобой не разъ спускался онъ
Въ мою печальную обитель.

Ужъ не влюбился-ль онъ въ тебя
И не ревнуетъ-ли, влюбленный?
Теперь, мой другъ, всю ночь, скорбя,
Томлюсь одинъ тоской безсонной...

(Съ восточнаго)

На востокъ, гдѣ море плещетъ,
Домикъ Фàтимы глядитъ.
Чуть востокъ зарей заблещетъ,
Голосъ Фàтимы твердитъ:
„Милый другъ, пора!“

Разстаюсь я съ лѣнью сладкой,
Въ очи нѣжныя гляжу,
И на улицу украдкой
Темнымъ садомъ ухожу,
Какъ пришелъ вчера.

Вѣетъ вѣтеръ... Оснащенный
Тихо вдаль корабль скользитъ,
И, зарею освѣщенный,
Флагъ надъ мачтою дрожитъ,
Рвется къ берегамъ.

И, какъ тотъ корабль лѣнивый,
Вдаль иду, тоской объятъ,
А мечта, какъ флагъ игривый,
Рвется, страстная, назадъ,
Къ дорогимъ устамъ...

На устахъ ея знойныхъ улыбки цвѣтутъ,
Какъ цвѣты Индостана, душистыя,
И цвѣтутъ, и сіяютъ, и души влекутъ —
И порочныя души, и чистыя.

И цвѣтутъ, и сіяютъ, и жгучую страсть
Разливаютъ потоками шумными.
И дивятся всѣ люди: откуда ихъ власть
Такъ царить надъ сердцами безумными.

И не знаетъ никто, что уста эти льнутъ,
Льнутъ къ моимъ устамъ въ ночи блаженныя
И что послѣ весь день на нихъ пышно цвѣтутъ
Поцѣлуи поэта священные!

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Легкій вѣтеръ въ кустахъ вдругъ, въ веселіи пьяномъ,
Полетитъ надъ землей ураганомъ...

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Звѣзды станутъ недвижно средь темнаго свода,
И висѣть будетъ ночь безъ исхода...

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю.
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Мое сердце безумья любви ужаснется
И отъ счастья и муки порвется...

Она, какъ полдень, хороша,
Она загадочнѣй полночи.
У ней не плакавшія очи
И не страдавшая душа.

А мнѣ, чья жизнь—борьба и горе,
По ней томиться суждено.
Такъ вѣчно плачущее море
Въ безмолвный берегъ влюблено.

Маленькой, цвѣтущей розой мая
Нѣкогда любовь моя была.
Для тебя, подруга дорогая,
Эта роза нѣжная цвѣла.

Но цвѣтокъ, что въ сердцѣ я лелѣялъ,
Вихорь жизни скоро погубилъ.
Пыль его онъ по міру развѣялъ,
И съ тѣхъ поръ весь міръ я полюбилъ.

Многогрѣшными устами
Много грѣшныхъ устъ и чистыхъ
Цѣловалъ я подъ лучами
Дня и въ тьмѣ ночей душистыхъ.

Цѣловалъ ихъ послѣ пышныхъ
Клятвъ и пламенныхъ признаній,
Цѣловалъ безъ словъ излишнихъ
Въ торопливомъ обладаньи.

Клятвы всѣ давно забыты,
Какъ слова туманной сказки,
И въ забвеньи общемъ слиты
Ими купленныя ласки.

Вы-жъ донынѣ въ сердцѣ живы,
О, случайныя свиданья,
Легкихъ встрѣчъ восторгъ нелживый,
Безымянныя лобзанья.

Первая встрѣча

Лишь стоитъ мнѣ, закрывъ глаза,
Свободу дать мечтѣ блаженной,
И вижу мигъ я незабвенный,
Когда, какъ солнце небеса,
Ты скучный залъ, едва вступила,
Вдругъ красотою ослѣпила,
Когда впервые упились
Мои глаза улыбкой дивной,
И наши звѣзды неразрывно
Въ одно созвѣздіе слились.

Я помню: свѣчи въ люстрѣ старой
Вдругъ запылали звѣздъ свѣтлѣй,
И въ вихорь вальса веселѣй
Помчалась пара вслѣдъ за парой.
Лѣнивыхъ скрипачей смычки,
Давно терзавшихъ воздухъ дымный,
Вдругъ стали звучны и легки,
И торжествующіе гимны,

Одинъ другого горячѣй,
Неслись и прославляли Бога
За каждый лучъ твоихъ очей,
За легкій станъ, за профиль строгій,
За непорочныя уста,
За то, что въ мірѣ существуетъ,
За то, что душу такъ чаруетъ,
Такъ потрясаетъ красота.

Прости!

Любовь трехдневная моя!
Какъ юный цвѣтъ въ началѣ мая,
Съ души срываю я тебя.
Прости, о греза молодая!
Прости! Я плачу надъ тобой,
Но мнѣ не жаль тебя. Желаннѣй
Нѣтъ счастья, какъ весною ранней
Завянуть почкой молодой,
Съ любовью къ солнцу, съ вѣрой чистой,
Что вѣтры ласковы всегда,
Лазурь безоблачна, душисты
Ковры луговъ, свѣтла вода...

О, если-бъ знала ты, какъ больно
Не вдругъ, а тихо и невольно
Разочаровываться въ нихъ,
Увидѣть смерть надеждъ своихъ,
Всѣ пережить ихъ до единой
И лепестокъ за лепесткомъ

Ронять, когда весь міръ кругомъ
Томится медленной кончиной!
Видать, какъ солнце съ каждымъ днемъ
Все злѣе смотритъ изъ-за тучи,
И въ темный вечеръ подъ дождемъ,
Свалиться въ общій рой летучій...

Любовь трехдневная моя!
Какъ юный цвѣтъ въ началѣ мая,
Съ души срываю я тебя,
Твою судьбу благословляя...

Она—надломленная роза,
Случайно взросшая въ глуши.
Земныхъ заботъ и счастья проза
Была чужда ея души.

Волненья музыки высокой,
Языкъ трагедій и поэмъ
Создали призрачный эдемъ
Въ душѣ печально-одинокой.

На проявленья красоты
Она не такъ, какъ всѣ глядѣла,
Но содрогалась и горѣла
Въ объятьяхъ собственной мечты.

Жизнь для нея была изгнаньемъ,
Земля—чужбиной ледяной,
А красота—воспоминаньемъ
О той отчизнѣ неземной.

Вашъ образъ, вѣчно жить достойный,
Я закрѣпилъ теперь вдвойнѣ:
Рукой—на мертвомъ полотнѣ,
Въ живой груди—мечтою знойной.

И пусть написанный портретъ
Цѣнители казнятъ улыбкой,
Пусть каждый штрихъ зовутъ ошибкой,
Бранятъ рисунокъ, краски, свѣтъ.

За то другой, нерукотворный,
Портретъ, что въ сердцѣ у меня,—
Какъ пышетъ онъ, живой, задорный,
Какъ полонъ мысли и огня!

Въ немъ всю, до черточки послѣдней
Навѣкъ запечатлѣлъ я васъ:
И кроткій взоръ зеленыхъ глазъ,
Таящихъ сумракъ ночи лѣтней;

И жаръ полдневный нѣжныхъ щекъ,
Грозой страстей не опаленный;
И ротикъ, алый, какъ востокъ,
Зарей улыбки освѣщенный.

Всѣ ваши чары, всѣ черты—
Весь кроткій образъ красоты
Я закрѣпилъ неизгладимо
Въ душѣ, гдѣ захотѣли вы
Сіять царицею любимой,
Но не влюбленною—увы!

Средь сумерекъ земныхъ мученій
Лишь ты сіяла мнѣ всегда,
Мой кроткій другъ, мой добрый геній,
Моя вечерняя звѣзда.

И тайный страхъ, какъ призракъ блѣдный,
Встаетъ съ угрозой предо мной:
Что, если ты, мой лучъ послѣдній,
И ты исчезнешь въ тьмѣ ночной?

Чѣмъ глубже читаю въ душѣ твоей чистой,
Чѣмъ чаще застѣнчивый взоръ твой ловлю,
Чѣмъ больше я слышу твой голосъ сребристый,
Тѣмъ сердцу больнѣй, тѣмъ безумнѣй скорблю.

Скорблю я о томъ, что я тьмою полночной
Окутанъ навѣкъ, что нѣтъ Бога въ груди,
Что въ язвахъ душа и что сердце порочно,
Что ты, даже ты ихъ не можешь спасти.

Такъ путникъ скорбитъ, средь пустыни безводной,
Нашедши алмазъ, что горитъ, какъ звѣзда,
И взоръ его полонъ тоски безысходной,
И шепчутъ отъ жажды сухія уста:

— Въ дни радости шумной, въ дни силы свободной, —
О, если-бъ тебя отыскалъ я тогда!

Портретъ

Ея лицо прекрасное плѣняетъ
Не той безпечной, яркой красотой,
Что женщину красивую равняетъ
Съ цвѣткомъ красивымъ, съ ланью молодой.
Ея чело морщинами покрыто,
Вкругъ милыхъ устъ свила гнѣздо печаль,
И сохранилъ ея очей хрусталь
Глубокій слѣдъ борьбы глубоко скрытой.
Борьбы съ людьми, съ коварною судьбой,
Съ огнемъ страстей, чѣмъ тайно грудь питалась,
Съ любовью тѣхъ, кого душа чуждалась,
Съ измѣной тѣхъ, кто сердцу былъ родной.
Но изъ борьбы, какъ знамя храбрый воинъ,
Она спасла души священный жаръ,
И сталъ вдвойнѣ земной любви достоинъ
Цѣною мукъ спасенный неба даръ.
И каждый взоръ ея очей стыдливыхъ—
Побѣды знакъ и радостный трофей,—
И каждый звукъ ея рѣчей правдивыхъ,
Какъ бодрый гимнъ, звучитъ въ душѣ моей...

Я съ нею встрѣтился случайно
И ощутилъ невольный страхъ,
Открывъ печать какой-то тайны
Въ ея насмѣшливыхъ глазахъ.
Что въ нихъ? Тоска-ль по высшемъ счастьѣ
И пламень, тлѣющій въ тиши?
Иль просто къ жизни безучастье
И холодъ будничной души?
Кто скажетъ? Да кчему украдкой
Судьбы таинственной печать
Рукой нескромною срывать?
Пусть для меня она загадкой
Навѣкъ останется. Когда-жъ
Пройдутъ года и, какъ миражъ,
Воскреснетъ молодость неясно,—
Средь вспоминаній лучшихъ дней
Пусть только вспомню я объ ней
Одно: „она была прекрасна!“

Когда, источникъ слезъ весь осушивъ до дна,
Но праха дѣтскаго не воскресивъ слезами,
Когда, безсильнаго отчаянья полна,
Но и въ отчаяньи прекрасна и скромна,
Какъ тѣнь, предстала ты предъ нами;

Когда въ твоей душѣ, о женщина—дитя,
Свершалось таинство безмолвнаго страданья,
И чаша мукъ твоихъ кипѣла чрезъ края,
И поняли мы всѣ, увидѣвши тебя,
Что нѣтъ для этихъ мукъ названья:

Прости, что на тебя въ тотъ мигъ я смѣлъ взират
Съ восторгомъ пламеннымъ и съ умиленьемъ чи
стымъ!
Прости, что я хотѣлъ у ногъ твоихъ мечтать,
Прости, что скорбь твою въ мечтахъ дерзал
вѣнчать
Я красоты вѣнцомъ лучистымъ!

Но такъ прелестенъ былъ страдальческій твой
ликъ,
Такъ цѣломудренно уста твои молчали,
Что я благословилъ невольно этотъ мигъ
За то что я узрѣлъ, за то что я постигъ
Печать небесъ въ земной печали...

Чѣмъ ниже я падаю въ бездну порока,
Тѣмъ ярче твой образъ въ душѣ у меня.
Такъ видны намъ звѣзды изъ шахты глубокой,
Незримыя сверху въ сіяніи дня.

Когда отъ презрѣнья къ себѣ содрогаюсь,
И страсти свои проклинаю, скорбя,
Когда произнесть твое имя пугаюсь,
Тогда лишь безумно люблю я тебя.

Тогда я люблю и молюсь, хоть преступны
Въ устахъ моихъ лживыхъ молитвы слова.
О, свѣточъ далекій! О, рай недоступный!
О, храмъ оскверненнаго мной божества!

Съ высотъ альпійскихъ я принесъ
Тебѣ цвѣтокъ сухой и бѣлый.
Онъ на скалѣ обледенѣлой
Одинъ подъ блѣднымъ небомъ росъ.
Нѣтъ въ лепесткахъ благоуханья,
На жесткихъ листьяхъ красокъ нѣтъ.
Онъ вешней лаской не согрѣтъ
И не боится увяданья.

Тамъ, на заоблачной тропѣ,
Гдѣ я нашелъ цвѣтокъ подснѣжный,
Я думалъ про тебя, другъ нѣжный,
И про любовь мою къ тебѣ.
Какъ ледъ вершинъ, давно остыла
Душа печальная моя
И въ размышленіяхъ забыла
Весну и краски бытія.
Но—видишь—мыслямъ непокорный,
Къ тебѣ влюбленный я пришелъ.
Храни, мой другъ, цвѣтокъ нагорный:
Я на скалѣ его нашелъ.

Мы любили другъ друга любовью иной,
Чѣмъ въ стихахъ воспѣвалось донынѣ.
Мы любили не чувствомъ, а волей больной,
Изнемогшей въ тоскѣ и гордынѣ.

Въ своихъ ласкахъ и ссорахъ мы лгали равно,
И отъ лжи своей много скорбѣли,
Но и счастье извѣдать намъ было дано,
О которыхъ поэты не пѣли.

По узору событій нашъ блѣдный романъ,
Словно рѣчь о погодѣ, ничтоженъ.
Но по боли сердечныхъ невидимыхъ ранъ
Онъ, какъ драма, печаленъ и сложенъ.

Случай свелъ насъ дѣтьми, но не случай развелъ,
И не имъ наши жизни разбиты.
Въ наше сердце попалъ, въ нашемъ сердцѣ расцвѣлъ
Одиночества цвѣтъ ядовитый.

Какъ за бѣгущимъ валомъ валъ,
Часы неслись надъ отмелью забвенья.
Качаясь, маятникъ рождалъ
И отрицалъ рожденныя мгновенья.

Я послѣ многихъ грустныхъ лѣтъ
Слова любви шепталъ преображенный.
Ты взоромъ отвѣчала: нѣтъ,
Гася огонь, твоей душой зажженный.

О вы, въ чьемъ сердцѣ бьетъ родникъ волшебный
Молитвъ и слезъ, наперекоръ уму,—
Средь шума городовъ, среди толпы враждебной
Гдѣ намъ молиться и кому?

Предъ кѣмъ излить восторгъ, предъ кѣмъ согнуть колѣни?
Пугаютъ грубостью людскіе голоса,
На папертяхъ церквей витаетъ рой сомнѣній,
Надъ кровлями домовъ—нѣмыя небеса.

И если женщина, лукаво иль стыдливо,
Захочетъ разыграть предъ нами божество,
Мы падаемъ во прахъ и шепчемъ торопливо
Молитвы сердца своего...

Еще я не люблю,—но, какъ востокъ зарею,
Уже душа моя печалью занялась,
И предразсвѣтною, стыдливою звѣздою
Надежда робко въ ней зажглась.

Еще я не люблю,—но на тебя невольно,
Съ чего-бъ ни начиналъ, свожу я разговоръ,
И самъ не знаю я, отрадно мнѣ иль больно
Встрѣчать задумчивый твой взоръ.

Еще я не люблю,—но, полный тайны сладкой,
Не такъ, какъ до сихъ поръ, гляжу на божій свѣтъ.
Еще я не люблю,—но ужъ томлюсь загадкой:
Ты, другъ, полюбишь или нѣтъ?

О, если-бъ знали вы, о чемъ я боязливо
Молился небесамъ, какъ въ первый разъ къ вамъ шелъ:
Молился я, чтобъ васъ такою же правдивой,
Прекрасной, кроткою я снова не нашелъ,
Какъ въ незабвенный день случайной первой встрѣчи, —
Чтобъ такъ же ласково вашъ голосъ не звучалъ,
Такъ въ сердце мнѣ не шли отъ сердца ваши рѣчи,
Такъ много радостей вашъ взоръ не обѣщалъ, —
Чтобъ оказались вы, какъ всѣ, пустой и лживой,
Безсильной счастье дать, безсильной быть счастливой, —
Чтобъ могъ забыть я васъ, чтобъ мимо шла гроза,
Которой гулъ въ душѣ ужъ слышенъ отдаленный.
И объ одномъ еще молился я, смущенный:
Чтобы мольбѣ моей не вняли небеса!

Фіалокъ пряный ароматъ,
Какъ запахъ сладкаго вина,
Струитъ влюбленная весна,
И новой страстью міръ объятъ.

Въ багрянецъ пышущихъ кудрей
Цвѣты весенніе воткни.
Весной ты дышешь, какъ они,
Но ароматнѣй и остр'ѣй.

Пусть жизни жаръ и страсти зной
Сольются въ запахѣ одномъ,
Какъ въ сердцѣ ты слилась моемъ
Съ новорожденною весной.

Романсъ

Прости навѣкъ. Безъ слезъ и безъ упрека
Въ послѣдній разъ гляжу я на тебя.
Какъ въ первый день, покорный волѣ рока,
Тебя люблю и ухожу, любя.

Съ тобой простясь, до гроба одинока,
Моя душа состарится, скорбя.
Съ тобой простясь, душа умретъ до срока.
Я ухожу, быть можетъ, жизнь губя.

Но вмѣстѣ быть я не могу съ тобою.
Въ свою любовь всю душу я вложилъ.
И Богъ, людей ревнуя, запретилъ,
Чтобы душа слилась съ чужой душою.

Я ухожу, склоняясь предъ судьбою,
Лишь оттого, что слишкомъ я любилъ.

Въ тотъ вечеръ памятный насмѣшкой ледяной
Ты душу мнѣ язвила
И всходы робкіе любви моей больной
Навѣки умертвила.

Безмолвный я внималъ и къ сердцу своему
Прислушивался жадно,
Внимаетъ-ли оно, и внятенъ-ли ему
Твой приговоръ злорадный?

И съ тайнымъ ужасомъ я чуялъ, что оно,
Какъ я, молчитъ безстрастно,
И свой послѣдній лучъ, не грѣющій давно,
Хоронитъ безучастно.

Въ тотъ вечеръ памятный любовь свою я сжегъ,
Отъ мукъ не замирая,
И лишь о томъ скорбѣлъ, что я скорбѣть не могъ,
Тебя навѣкъ теряя.

Спасенья нѣтъ. Она недвижно стала,
Гроза страданій долгихъ. Въ тѣсный кругъ
Безумья и тоски душа попала,
И сонъ меня презрѣлъ, усталыхъ другъ.

О, какъ тяжелъ полетъ ночей безсонныхъ,
Къ кому взывать? Кто видитъ скорбь мою?
Въ житейскій бой, въ толпу вооруженныхъ
Я вышелъ безъ щита—и палъ въ бою.

Но жалобъ нѣтъ въ душѣ, ни укоризны.
Страданій грозный даръ пріемлю я,
Какъ принималъ-бы радость бытія:

Нѣмѣя въ страхѣ передъ рабствомъ жизни
И тщетно порываясь за предѣлъ
Тоски и счастья, мыслей, чувствъ и дѣлъ.

Моей вы вняли грустной лирѣ,
Хоть не моей полны печали.
Я не нашелъ святыни въ мірѣ,
Вы счастья въ немъ не отыскали.

Такъ рвется къ небу и не можетъ
Достичь небесъ фонтанъ алмазный,
И душу нѣжитъ и тревожитъ
Его разсказъ непересказный.

А рядомъ ива молодая
Поникла подъ напѣвъ унылый.
Ее манитъ земля сырая,
Прильнуть къ землѣ у ней нѣтъ силы...

Не мѣсяцъ за его печаль и красоту,
Не солнце за его порфиру золотую, —
Я полюбилъ падучую звѣзду,
Я полюбилъ небесъ изгнанницу больную.

Среди надменныхъ звѣздъ, сверкавшихъ безъ числа,
Горѣвшихъ, какъ вѣнцы, струившихся, какъ рѣки,
Она слезой по небу потекла,
И въ этотъ мигъ ее я полюбилъ на вѣки.

О, жаркая слеза полуночи нѣмой,
Упавшая на грудь холоднаго эфира, —
Куда, куда, объята вѣчной тьмой,
Ты одинокая летишь пустыней міра?

Мой Геній плачущій, прикованный къ землѣ,
Тебѣ вослѣдъ глядитъ съ молитвой сокровенной:
О, еслибъ и ему блеснуть во мглѣ
И жаркою слезой упасть на грудь вселенной!

Въ ея чертахъ младенческихъ и нѣжныхъ,
Разцвѣтшихъ подъ защитой божьихъ крылъ,
Съ невольною отрадой я открылъ
Чуть видный слѣдъ какихъ-то чувствъ мятежныхъ,
Печать разлада тайнаго, залогъ
Страданій неизбѣжныхъ и тревогъ.

Она донынѣ чуждой мнѣ была —
Она, донынѣ чуждая печали.
Всѣ мысли, чувства разно въ насъ звучали.
Ея душа не понимала зла,
Моя — любви. Такъ бурный валъ потока
Не отразитъ румяныхъ тучъ востока.

Теперь она скорбитъ, она — моя.
Мы съ ней сроднились мукой состраданья,
И дорогъ сталъ и близокъ для меня
Ея разцвѣтъ — угрозой увяданья.
Чужимъ недугомъ грудь исцѣлена,
Чужой печалью жизнь освящена.

И снова на землѣ страдать хочу я,
Гдѣ ей, какъ мнѣ, томиться суждено,
Гдѣ жребій свой, оплаканный давно,
Въ ея глазахъ прекрасныхъ вновь прочту я,
И гдѣ, любви утративъ благодать,
Намъ сладко сожалѣть и сострадать.

In Memoriam

Разносится въ храмѣ напѣвъ похоронный
И, сводъ огласивъ, замираетъ.
Возносится ладана дымъ благовонный
И, съ воздухомъ слившись, въ немъ таетъ.
Какъ тающій дымъ, какъ молитвы умолкшей слова,
Ты въ мірѣ исчезла, мелькнувши едва.

Но пѣнье, подъ сводомъ нагимъ замирая,
Печалью въ сердцахъ остается,
И дымъ, что растаялъ, лучъ солнца встрѣчая,
Въ немъ снова синѣетъ и вьется.
Какъ дымъ въ лучѣ солнца, какъ въ сердцѣ молитвы слова,
Ты въ пѣснѣ моей будешь долго жива.

Въ альбомъ

О чемъ когда-то грезилъ Грезъ —
Сліянье страсти съ чистотою —
Живой зажглось въ ней красотою,
И сонъ художника воскресъ.
Ея черты такъ осіянны,
Такъ хрупко-дѣвственно-желанны,
Ихъ очеркъ такъ стыдливъ и смѣлъ,
Въ нихъ столько сдержанной свободы,
Что руку творческой природы
Остановить-бы я хотѣлъ,
Сказавъ:
Пусть, какъ лучи въ свѣтилахъ,
Твои безчисленны мечты,
Но этотъ образъ даже ты
Усовершенствовать не въ силахъ!

Если-бъ между нами простиралось море,
Щитовидной зыбью свѣтясь на просторѣ, —
Если-бъ между нами стаи птицъ летали
Изъ далей туманныхъ въ голубыя дали, —
Если-бъ между нами горныя вершины
Поднимали къ небу вѣковыя льдины, —
Мы тогда не дальше были-бъ другъ отъ друга,
Чѣмъ теперь, о тщетно близкая подруга.

Нынѣ между нами, бездною раскрытой,
Пролегла пустынность жизни пережитой,
Намъ грозятъ разлукой горы и провалы
Всѣхъ надеждъ солгавшихъ, всей любви увялой,
Русла слезъ изсякшихъ, льдины ласкъ остывшихъ,
Пепелъ силъ угасшихъ и себя забывшихъ.
Среди насъ воздвиглась нашихъ душъ усталость
Даже наша кротость, даже наша жалость.

Въ твой дѣтскій взоръ, пытливо-грѣшный,
Глядится опытный мой взоръ,
Какъ мертвый мѣсяцъ ночью вешней
Въ стекло чуть вскрывшихся озеръ.

Въ тебѣ мечта о сладострастьи
Сіяетъ утренней звѣздой.
Во мнѣ мечта о томъ-же счастьи
Горитъ, какъ вечеръ надъ водой.

Однимъ безумьемъ мы сгораемъ
Среди видѣній наготы,
И если-бъ вновь владѣлъ я раемъ,
Я-бъ вновь имъ пренебрегъ, какъ ты.

О, если-бъ рѣчь моя, какъ взоры вашихъ глазъ,
Могла струить лучи тепла и свѣта,
Я-бъ вѣчную весну создалъ вкругъ васъ
Рѣчами нѣжной ласки и привѣта.
Увы, изъ устъ моихъ нѣжнѣйшія слова
Безсильны дать вамъ счастье, дорогая.
Мой грустный стихъ, размѣренно вдыхая,
На краткій мигъ разсѣетъ васъ едва.
Такъ пусть хоть краткій мигъ онъ слухъ вашъ равнодушный
Баюкаетъ, какъ память дѣтскихъ грезъ,
Какъ плачъ волны, разбитой объ утесъ
И все-жъ ласкающей его гранитъ бездушный,
Какъ эхо грустной пѣсни вдалекѣ,
Какъ жалоба на чуждомъ языкѣ...

Извѣстье скорбное нежданно налетѣло
И въ сердцѣ отдалось, какъ въ темной чащѣ громъ.
Съ тѣхъ поръ, чуть я засну, душа, оставя тѣло,
Летитъ въ далекій край, гдѣ спишь ты вѣчнымъ сномъ.

Мнѣ снится комнатка. Вдали сады и море.
Но ты не видишь ихъ. Тебя сковалъ недугъ.
Склонилась надъ тобой сестра въ безмолвномъ горѣ
Блѣдна, какъ ты, и ждетъ... Ты-ль это, бѣдный другъ?

Глаза, лишь кроткіе глаза остались тѣ-же.
Ты дышешь тяжело, все тяжелѣй и рѣже...
О, страшный часъ! И вотъ съ послѣднимъ дня лучемъ
Слетѣлъ посолъ судьбы свершить ея велѣнье.

Онъ на тебя взглянулъ, онъ замеръ на мгновенье
И, отвернувши взоръ, взмахнулъ своимъ мечемъ.

Наши звѣзды въ различныхъ созвѣздьяхъ за-
жглись,
Но Господь или случай велѣлъ имъ сойтись,
И отрадно мнѣ видѣть, что въ разной судьбѣ
Жизнь являлась одною и мнѣ, и тебѣ, —

Что равно одиноки въ толпѣ мы стоимъ
Что больна наша совѣсть недугомъ однимъ,
Что мы оба страдали, любя горячо,
Но страдать и любить не устали еще.

Такъ двѣ тучки, родившись на разныхъ моряхъ,
Волей вѣтра сольются въ родныхъ небесахъ,
И однимъ озаряетъ [illegible] солнце лучемъ,
И однимъ надъ землей они плачутъ дождемъ.

ПѢСНИ ЛЮБВИ

ЦИКЛЪ ВТОРОЙ

Элегія

Adieu! Ta blanche main sur le clavier d'ivoire,
Durant les nuits d'été, ne voltigera plus.

A. de Musset

Напѣвъ любви, ея напѣвъ любимый,
Въ моей душѣ проснулся и звучитъ.
Прогнать его нѣтъ силъ. То замолчитъ,
То, какъ нагорный ключъ неудержимый,
Опять польетъ безсонную струю
И шепчетъ средь безмолвія ночного,—
Нагорный ключъ, ниспавшій въ грудь мою
Съ вершинъ замерзшихъ счастія былого.

Какъ много мнѣ напомнили они—
Созвучія любви и сладкой муки:
Нашъ мирный уголокъ, рояль въ тѣни,
По клавишамъ порхающія руки,
Вечерній часъ, досугъ, любовь, покой...
И всякій разъ, когда напѣвъ любимый
Изъ подъ любимыхъ рукъ лился волной,
Мнѣ грудь сжималъ восторгъ невыразимый.

И звуки претворялися въ мечты,
Неясныя, какъ шопотъ въ часъ полночный.
Мнѣ снились волны, горы и цвѣты.
Я снился самъ себѣ, но безпорочный,
Рожденный жить и умереть, любя.
Такъ ива, наклонясь къ рѣкѣ зеркальной,
Въ ней видитъ небо, звѣзды и себя,
Но болѣе прекрасной и печальной.

И часто, чуть въ струнахъ стихала дрожь,
Она ко мнѣ садилась и шептала
Слова любви и отъ любви рыдала,
И тѣ слова и слезы были ложь.
Но я не зналъ, что сердцемъ лицемѣритъ
Она—мой идолъ правды и добра.
Я вѣрилъ ей, какъ вѣтру пламя вѣритъ,
Какъ вѣритъ мотылекъ огню костра.

Теперь другой внимаетъ рѣчи милой,
Слова любви твердитъ у милыхъ ногъ.
Цвѣты онъ собираетъ надъ могилой
Моей любви, чтобъ сплесть себѣ вѣнокъ.
И счастливъ онъ, когда она съ улыбкой
Минувшее свое зоветъ ошибкой.
Но тише, сердце!—Счастіе любви,
Чье-бъ ни было оно, благослови!

Моя любовь мертва и, какъ нѣмая
Руина на прибрежіи морскомъ,
Въ душѣ пустынной дремлетъ, а кругомъ
Воспоминанья плещутъ, не смолкая.
И какъ порой въ безмолвіи руинъ
Проснется и вздыхаетъ духъ незримый,—
Въ моей душѣ звучитъ напѣвъ одинъ,
Напѣвъ любви, ея напѣвъ любимый...

Элегія

О, память блѣдная! Надъ жизнью одинокой
Взошла ты вновь, какъ томная луна
Восходитъ надъ пучиной водъ глубокой.
О, грустныхъ думъ царица, какъ она —
Царица волнъ. Сіяя мертвымъ свѣтомъ,
Былого счастья озаряешь даль.
Но столько красоты въ сіяньѣ этомъ,
Что счастья прошлаго душѣ почти не жаль!

Въ своихъ гробахъ, твоимъ лучомъ облитыхъ,
Какъ хороши умершія мечты!
Слова забытыхъ клятвъ—не мной забытыхъ—
Какъ нѣжно повторять умѣешь ты!
Но въ дни, когда спокойно и не жадно
Я пилъ изъ кубка счастья,—было-ль мнѣ
Отраднѣй, чѣмъ теперь, когда о снѣ
Исчезнувшей любви мнѣ такъ скорбѣть отрадно?
Скажи, о, память! Счастливъ-ли я былъ
Въ тотъ день—желанный день!—когда предъ

нею

Я сердца тайну сладкую открылъ
И въ первый разъ назвалъ ее своею?
Еще въ любви клялись мои уста,
А ужъ душа, съ родной простившись тайной,
Была опять угрюма и пуста,
И радость новая казалась ей случайной.

Или въ ту ночь, когда сбылся мой сонъ,
Блаженно-жгучій сонъ ночей несчетныхъ?
Зачѣмъ, скажи, въ раздумье погруженъ,
Вдоль улицъ, полныхъ сумерекъ дремотныхъ
Въ то утро одиноко я бродилъ?
Сбылась мечта—и сдѣлалась минувшей.
Зажглась заря—и съ грустью я слѣдилъ
За утренней звѣздой, въ сіяньи дня тонувшей.

И такъ всегда. Какъ призраки, спѣша,
То радость, то печаль въ душѣ мелькаетъ.
Но чуть спрошу: счастлива-ль ты, душа?
Страдаешь ли?—она въ отвѣтъ вздыхаетъ.
Текущій мигъ блаженства иль заботъ,
Едва родясь, отравленъ созерцаньемъ.
Святое впереди: оно зоветъ,
Прекрасное за мной горитъ воспоминаньемъ.

Такъ богомольцы въ лѣтній, жаркій день
Шагаютъ ровной поступью покорной
Средь пустырей и мимо деревень,
И черезъ лѣсъ, гдѣ слышенъ ключъ проворный.
Безъ ропота впередъ они идутъ,
Покинувши привалъ безъ сожалѣнья.
Въ далекій храмъ надежды ихъ влекутъ,
Мечты летятъ назадъ въ родимыя селенья.

Элегія

I

Мой полдень миновалъ и близокъ часъ вечерній
Какъ вечеръ, день мой былъ ненастьемъ омраченъ.
Суровый кличъ борьбы спугнулъ мой дѣтскій сонъ.
Мнѣ рано мысль обвилъ сомнѣній жгучихъ терній.
Кто лучшихъ видѣлъ смерть, предсмертный слышалъ стонъ
При вопляхъ радостныхъ слѣпой и жалкой черни, —
Въ душѣ того горитъ обида за людей.
Мои надежды тамъ, гдѣ прахъ моихъ друзей!

II

Счастливъ, кто отыскалъ средь жизненныхъ скитаній
Подругу вѣрную, чьей лаской ночь свѣтла.
Надъ жизнію моей тяжелый плугъ страданій
Рука любимая, не дрогнувъ, провела.
Въ одинъ нежданный мигъ разорвана была

Связь многихъ лѣтъ любви, надеждъ, воспоминаній.
И сколько въ этотъ мигъ мученій я вкусилъ,
Нѣтъ силы вспоминать и позабыть нѣтъ силъ.

III

И я, кто съ дѣтскихъ дней съ довѣрчивымъ томленьемъ
Любилъ и ждалъ любви, какъ утра ждетъ цвѣтокъ,
Полжизни путь свершивъ, я больше одинокъ,
Чѣмъ тотъ, кто съ дѣтства жилъ враждой и преступленьемъ.
Мой полдень миновалъ и вечеръ недалекъ.
Какъ черной тучею, покрытый отчужденьемъ,
Незримо отъ людей закатъ мой догоритъ,
И долгихъ сумерекъ звѣзда не озаритъ.

IV

Но дивно! Чѣмъ кругомъ темнѣе мракъ ненастья.
Тѣмъ чаще богъ мечты слетаетъ въ мой пріютъ,
Что отнято судьбой, мнѣ пѣсни отдаютъ.
Замретъ мой грустный день безъ дружбы и участья.
Но пѣсни грустныя—онѣ друзей найдутъ,
Затѣмъ что тайна мукъ прекраснѣй тайны счастья.
Внимая жалобамъ элегіи моей,
Тотъ, кто страдалъ, какъ я, найдетъ отраду въ ней.

Безсонная полночь паритъ надо мной,
Звенятъ ея крылья чуть внятно.
Забывшись, читаю строку за строкой,
А сердце далеко и полно тоской
О томъ, что̀ прошло безвозвратно.

И грезой безумной душа плѣнена:
Что̀ если измѣна любимой
И горе мое—только призраки сна?
Вотъ шумно впорхнетъ въ эти двери она
И спроситъ: ты плакалъ, родимый?

— Мой другъ, я скажу,—тяжкій сонъ я видалъ.
Мнѣ снилось, что ты измѣнила...
Мнѣ снилось: межъ тѣмъ какъ одинъ я блуждалъ
И смерти у неба просилъ и страдалъ,
Ты счастье другому дарила...

Прильнетъ она съ ласковымъ смѣхомъ ко мнѣ
И вскрикнетъ: не стыдно-ль, мой милый!
Какъ могъ ты забыть, хоть бы только во снѣ,

Тѣ рѣчи, что шепчемъ въ ночной тишинѣ,
Тѣ клятвы любить до могилы!

Такъ въ полночь, безумною грезой плѣненъ,
Я самъ создаю сновидѣнья.
Увы! Если горе мое—только сонъ,
То съ жизнью лишь вмѣстѣ разсѣется онъ,
И нѣтъ отъ него пробужденья!

Элегія

Безсильная ревность и мысли о мщеньи
И рой вспоминаній, и рой сожалѣній,
Какъ стая голодныхъ звѣрей,
Мнѣ сердце покорное долго терзали,
И муки разрыва стократъ воскресали
Въ душѣ оскорбленной моей.

И ревность, и мщенье, и рой вспоминаній
Я гналъ неустанно, въ безумномъ желаньи
Забвеньемъ печаль превозмочь.
И нехотя, теплую жертву кидая,
Она отступала-голодная стая,
И вотъ я прогналъ ее прочь.

Лишь васъ я прогнать не могу, сновидѣнья.
Подкравшись подъ чернымъ покровомъ забвенья,
Связавъ мою волю въ тиши.

Вы вдругъ устремитесь изъ тайной засады,
И пытка начнется и нѣтъ въ васъ пощады
На стонъ беззащитной души.

И часто я съ крикомъ встаю среди ночи.
Дрожитъ мое сердце, заплаканы очи.
Увы, я одинъ въ тишинѣ.
Трусливое полчище сновъ убѣжало,
Лишь тайной обиды смертельное жало
Въ сердечной горитъ глубинѣ.

Элегія

Терзанья ревности и мщенья
Затихли, замерли во мнѣ.
Растутъ въ сердечной глубинѣ
Слова печали и прощенья.
Они созрѣли въ тишинѣ,
И я собралъ ихъ въ пѣснопѣнья.

Когда тяжелою рукою
Глубоко надъ моей душою
Господь провелъ страданій плугъ,—
Я полюбилъ уединенье,
И больше, чѣмъ врага глумленье,
Меня страшилъ коварный другъ,
Глядящій въ душу взоромъ жаднымъ,
Съ полуучастіемъ злораднымъ,
Съ самодовольною тоской.

И вдругъ, во тьмѣ ночей мятежныхъ,
Нѣжна, какъ пѣнье водъ прибрежныхъ,

Склонилась муза надо мной.
Но утѣшеній не шептала,
А вслѣдъ за мною повторяла
Мои проклятія она,
И въ духъ, истерзанный тоскою,
Любвеобильною рукою
Бросала пѣсенъ сѣмена.

И надъ моимъ мятежнымъ горемъ,
Какъ радуга надъ бурнымъ моремъ,
Небесный отблескъ засіялъ.
И Музой кротко повтореннымъ,
Своимъ проклятьямъ изступленнымъ
Я съ умиленіемъ внималъ,

Терзанья ревности и мщенья
Затихли, замерли во мнѣ.
Растутъ въ сердечной глубинѣ
Слова печали и прощенья.

Въ страданьяхъ гордость позабывъ,
Я гнулъ колѣни предъ тобою
И длилъ униженной мольбою
Давно свершившійся разрывъ.
Въ какой-то призрачной надеждѣ
Шепталъ я нѣжныя слова,
Такъ много значившія прежде,
Теперь понятныя едва.

Но между тѣмъ какъ я устами
Взывалъ о жалости къ тебѣ,
Въ мечтахъ молился я судьбѣ,
Чтобъ ты не тронулась мольбами,
Чтобъ горе бурное зажгло
Мой духъ, коснѣющій въ покоѣ,
Чтобъ чувство, все равно какое,
Хоть разъ всю душу потрясло,
Чтобъ опьянѣлъ я, чтобъ забылся
Отъ гнета вѣчной пустоты!

Судьбѣ недаромъ я молился:
Моимъ мольбамъ не вняла ты.

Обрядъ печальныхъ похоронъ
Свершался въ церкви многолюдной.
Въ гробу лежалъ онъ, жизни трудной
Порвавши нить. Блѣдна, какъ онъ,
Надъ мертвецомъ полуживая
Застыла въ траурѣ вдова.
Безъ слезъ, безъ словъ, безъ думъ, едва
Свои страданья сознавая,
Она видала предъ собой
Лишь эти сомкнутыя вѣки,
Уста закрытыя на вѣки,
Запечатлѣнныя судьбой.

И я завидовалъ безмѣрно
Тому, кто въ гробѣ почивалъ.
Я-бъ лучше такъ уснуть желалъ,
Оплаканный любовью вѣрной,
Чѣмъ жить, измѣны выпивъ ядъ,
Чужое счастье проклиная,
Боясь въ былое кинуть взглядъ
И лишь былое вспоминая.

Осенняя мелодія

Съ небесъ осеннихъ льется мракъ,
Холодный дождь стучитъ по ставнямъ.
Заплакалъ вѣтръ о горѣ давнемъ
И не наплачется никакъ.
Огонь свѣчи мерцаетъ праздно,
Во тьмѣ лѣнивый тонетъ свѣтъ,
И ходъ часовъ звучитъ безсвязно,
Какъ вѣчности безумной бредъ.

Забытый дружбой и любовью,
Забытый сномъ, лежу больной.
Колдуетъ полночь надо мной,
Печаль приникла къ изголовью.
О, какъ давно рѣчь милыхъ устъ
Не оглашала эти стѣны!
Подъ бурей смерти иль измѣны
Она умолкла. Міръ сталъ пустъ.

Какъ путникъ средь степи унылой
Не можетъ счесть кургановъ рядъ, —

Къ былому обратясь, мой взглядъ
Могилу видитъ за могилой.
На бѣдныхъ кладбищахъ, въ глуши,
На пышныхъ кладбищахъ столицы —
Повсюду милыя гробницы
И прахъ, священный для души.

Не разъ средь полночи безсонной
Я слышу чей-то тихій зовъ.
Ты-ль, смерть, зовешь мой духъ смущенный,
Иль онъ тебя зоветъ безъ словъ?
Проходитъ жизнь, какъ призракъ смутный.
Родникъ ненужныхъ силъ изсякъ.
Съ небесъ осеннихъ льется мракъ
И плачетъ вѣтеръ безпріютный.

Закатъ осенній золотитъ
Ужъ позлащенный лѣсъ и нивы.
Вечерній колоколъ твердитъ
Вопросъ печальный и правдивый.
О, какъ легко мнѣ стало вдругъ!
Ужель окончились мученья,
И я простилъ тебя, мой другъ,
Хоть, знаю, ты не ждешь прощенья?
Про нашъ союзъ и нашъ разрывъ
Теперь я думаю безъ злобы.
Я понялъ, ложь твою забывъ,
Что быть иначе не могло-бы.
Пускай съ жестокостью врага
Мои надежды ты разбила:
Ты правду скорби мнѣ открыла, —
Ты сердцу вѣчно дорога.

Я увидѣлъ ее. Какъ чужіе, мы другъ мимо друга
Безъ привѣта прошли.
Мы прошли, не смутясь, лишь глаза выраженья
испуга
Утаить не могли.

И съ злорадствомъ невольнымъ, и съ дрожью
проснувшейся муки
Я замедлилъ свой взоръ:
О, какъ грустно на ней отразилися годы разлуки,
Какъ увяла съ тѣхъ поръ!

Я ея не жалѣлъ. Но отрадное чувство твердило
Тамъ внутри, въ глубинѣ:
— Можетъ быть, хоть одну изъ морщинъ этихъ
раннихъ родило
Сожалѣнье ко мнѣ...

Осенняя пѣсня

Осенній стонъ—
Протяжный звонъ,
Звонъ похоронный—
Въ душѣ больной
Звучитъ струной
Неугомонной.

Томлюсь въ бреду.
Блѣднѣя, жду
Ударовъ ночи.
Твержу привѣтъ
Снамъ прежнихъ лѣтъ,
И плачутъ очи.

Подъ бурей злой
Мчусь въ міръ былой
Невозвратимый,
Въ путь безъ слѣда
Туда, сюда,
Какъ листъ гонимый.

Изъ Байрона

I

Еврейская мелодія

Будь я сердцемъ коваренъ, какъ ты осудилъ,
Отъ Шалима вдали я-бъ теперь не бродилъ.
Мнѣ лишь было отречься отъ вѣры отцовъ,
Чтобы свергнуть на вѣки проклятье вѣковъ.

Ты, я знаю, безгрѣшенъ: грѣшитъ только рабъ,
Ты правдивъ и могучъ—я преступенъ и слабъ,
Но пускай я и смертью свой грѣхъ не сотру,
Въ своей вѣрѣ живи, а въ моей—я умру.

За нее я терялъ, сколько дать ты не могъ,
И про то знаетъ Онъ, насъ карающій Богъ.
Моя скорбь и надежда во власти Его,
А въ твоей—моя жизнь, что отдамъ за Него.

II

Въ часъ, когда разставались
Мы въ слезахъ и безъ словъ
И душой содрогались
Предъ разлукой годовъ, —
Были льдомъ твои руки,
Поцѣлуй—холоднѣй.
Предвѣщалъ мигъ разлуки
Горе будущихъ дней.

Утро льдистой росою
Мнѣ кропило чело,
Угрожая бѣдою, —
Тѣмъ, что нынѣ пришло.
Ты забыла обѣты,
Твое имя — укоръ.
Грустно слышу навѣты
И дѣлю твой позоръ.

Пусть молва насъ связала, —
Не она мнѣ тяжка.

О, скажи: чѣмъ ты стала
Такъ душѣ дорога?
Насъ не люди накажутъ,
Я лишь знаю тебя,
И слова не разскажутъ,
Какъ жалѣю, скорбя.

Мы сроднились душою,
И грущу въ тишинѣ,
Что ты стала чужою
Мнѣ въ чужой сторонѣ.
Если-жъ вновь тебя встрѣчу
Послѣ многихъ годовъ,
На привѣтъ твой отвѣчу
Вновь слезами безъ словъ.

III

Сонетъ къ Шильону

Духъ вѣчной мысли, ты, надъ кѣмъ владыки нѣтъ,
Всего свѣтлѣй горишь во тьмѣ темницъ, свобода.
Тамъ ты живешь въ сердцахъ, столь любящихъ твой свѣтъ,
Что имъ съ тобой мила тюремная невзгода.

Когда твоихъ сыновъ, хранящихъ твой завѣтъ,
Бросаютъ скованныхъ подъ сѣнь глухого свода,—
Въ ихъ мукахъ торжество восходитъ для народа,
И кличъ свободы вмигъ весь облетаетъ свѣтъ.

Шильонъ! Твоя тюрьма — святыня. Полъ гранитный —
Алтарь. Его топталъ страдалецъ беззащитный
Такъ долго, что въ скалу, какъ въ дернъ, вдавилъ слѣды.

Ихъ не сотретъ никто, клянусь я Бонниваромъ.
Пусть къ Богу вопіютъ они о рабствѣ старомъ,
Пусть возвѣщаютъ смерть насилья и вражды.

IV

Сонетъ къ Женевскому озеру

Руссо, Вольтеръ, де-Сталь, нашъ Гиббонъ, — имена,
О Леманъ, береговъ твоихъ достойны эти,
Какъ ты достоинъ ихъ. Пусть ты-бъ изсякъ до дна,
Ихъ слава сохранитъ твою среди столѣтій.

Какъ всѣмъ, отраденъ былъ имъ звукъ твоей волны,
Для насъ-же послѣ нихъ милѣе валъ пѣвучій.
Такъ смутной повѣстью про жизнь души могучей
Руины мертвыхъ стѣнъ навѣкъ освящены.

Но также, надъ твоей скользя пучиной мирной,
О Леманъ, озеро прозрачной красоты,
Сильнѣй мы чувствуемъ горѣнье ихъ мечты,
Тотъ благородный пылъ, что къ славѣ велъ всемірной.

Тамъ, гдѣ наслѣдники безсмертья жить могли,
Не тщетной кажется дѣйствительность земли.

V

Сонъ

I

Жизнь наша двойственна. Есть міръ особый сна,
На рубежѣ двухъ тайнъ, что мы невѣрно
Зовемъ существованіемъ и смертью.
Есть міръ, принадлежащій сну, есть царство
Безбрежное дѣйствительности дикой;
И сновидѣнья, въ немъ рождаясь, дышутъ,
Скорбятъ, льютъ слезы, радости не чужды.
Они надъ нашей мыслью тяготѣютъ
И наяву; они-жъ по пробужденьи
Дневныхъ заботъ намъ облегчаютъ тяжесть.
Они двоятъ все наше существо,
То близки намъ и нашему мгновенью,
То на герольдовъ вѣчности похожи.
Они скользятъ, какъ духи дней былыхъ,
Вѣщаютъ, какъ Сибиллы, о грядущемъ.
Имъ власть дана блаженства и мученій.
Они, своей лишь прихоти послушны,

Насъ дѣлаютъ иными, чѣмъ мы были,
То потрясая образомъ мелькнувшимъ,
То тѣнью насъ исчезнувшей пугая.
Ужели и они лишь только тѣни?
Не все-ль былое тѣнь? Такъ кто-жъ они?
Не дѣти-ли мечты? Мечта лишь въ силахъ
Сама собой дѣйствительность творить
И населять планеты существами
Прекраснѣе когда-либо рожденныхъ,
И жизнь вдыхать въ безплотныя черты,
Отнынѣ долговѣчнѣй всякой плоти. —
Хочу повѣдать объ одномъ видѣньи,
Что созерцалъ, быть можетъ, въ краткомъ снѣ,
Но грезы сна способны къ долгой жизни,
Въ единый часъ вмѣщая много лѣтъ.

II

Я видѣлъ на холмѣ стоявшихъ рядомъ
Два существа во цвѣтѣ юныхъ дней.
То былъ зеленый холмъ въ уступахъ мягкихъ,
Похожій на отрогъ послѣдній гребня,
Хотя не омывался у подножья
Морской волной. Кругомъ сверкала жизнь.
Лѣса и нивы съ хлѣбомъ волновались,
Кой-гдѣ средь нихъ дома людей виднѣлись
И дымъ, віясь, вставалъ отъ сельскихъ крышъ.

Былъ холмъ увѣнчанъ круглой діадемой
Деревьевъ, такъ взрощенныхъ не игрой
Природы, а рукою человѣка.
Тѣ двое—дѣва съ юношей—глядѣли,
Она—на міръ, простертый передъ нею,
Цвѣтущій, какъ она сама, а онъ—
Лишь на нее. И оба были юны,
Она—ктому-жъ прекрасна. Оба юны,
Но въ юности различны межъ собой.
Какъ нѣжная луна на краѣ неба,
Сіяла дѣва на зарѣ созрѣвшей
Въ ней женственности. Юноша годами
Моложе былъ, но страсть переросла
Въ немъ возрастъ, и глазамъ его казалось
На всей землѣ одно лицо желаннымъ,—
Лицо, теперь сіявшее предъ нимъ.
Ея черты онъ созерцалъ такъ долго,
Что больше не былъ въ силахъ ихъ забыть.
Лишь ей одною жилъ онъ и дышалъ
И словно говорилъ ея устами.
Нѣмѣя передъ ней, онъ трепеталъ
При каждомъ словѣ, ей произносимомъ.
Ея глазами онъ глядѣлъ на міръ,
Окрашенный въ ихъ цвѣтъ. Онъ пересталъ
Жить самъ въ себѣ. Въ ней былъ источникъ

жизни

И океанъ, куда неслись потоки
Всѣхъ чувствъ его, чтобъ слиться тамъ навѣкъ.
Ея прикосновенье, звукъ единый,—
И кровь его то приливала къ сердцу,
То бурно отливала вновь къ лицу,—
Хоть сердце и не вѣдало причины
Своихъ страданій. Въ этихъ страстныхъ чувствахъ
Участія не принимала дѣва.
Она вздыхала—только не о немъ,
Онъ для нея былъ братомъ и не больше,
Хоть это было многимъ. Славныхъ предковъ
Послѣдній отпрыскъ, выросши безъ братьевъ,
Она въ пріязни дѣтской имя брата
Давала лишь ему. Онъ это имя
Любилъ и ненавидѣлъ. Почему?
На то отвѣтъ глубокій дало время,
Когда она другого полюбила.
И вотъ теперь она другого любитъ
И, стоя на вершинѣ, смотритъ вдаль,
Не мчится-ль конь съ возлюбленнымъ, летитъ-ли
Онъ такъ же пламенно, какъ ждетъ она?

III

Мой сонъ исчезъ и замѣнился новымъ.
Я видѣлъ старый замокъ. У крыльца

Осѣдланный богато конь стоялъ.
А юноша, кого я видѣлъ раньше,
Въ старинной ждалъ часовнѣ одиноко.
Печальный, блѣдный, онъ шагалъ въ раздумьи,
Вдругъ сѣлъ, схватилъ перо, и начерталъ
Слова, которыхъ разобрать не могъ я,
Поникъ челомъ на руки, весь затрясся,
Какъ-бы въ припадкѣ судорогъ, вскочилъ
И разорвалъ дрожащими руками
Исписанный листокъ,—но слезъ не пролилъ.
Онъ вскорѣ превозмогъ свое волненье,
И принялъ видъ спокойный. Въ этотъ мигъ
Владычица души его вошла,
Свѣтла, съ улыбкой на устахъ, хоть знала, —
Такое знанье возникаетъ быстро, —
Что любитъ онъ ее, что сердце въ немъ
Она своею тѣнью омрачила.
Она видала, что теперь онъ страждетъ,
Но видѣла не все. Онъ всталъ, ей руку
Пожалъ пожатьемъ легкимъ и холоднымъ.
Одно мгновенье на его лицѣ
Чувствъ несказанныхъ отразилась повѣсть
И вмигъ исчезла, какъ возникла вмигъ.
Онъ руку опустилъ и, не спѣша,
Съ ней будто не прощаясь, удалился.
Съ улыбкой оба тихо разошлись.

Онъ вышелъ изъ воротъ тяжелыхъ замка,
Сѣлъ на коня и въ дальній путь поѣхалъ,
И больше за порогъ старинный этотъ
Не преступилъ обратно никогда.

IV

Мой сонъ исчезъ и замѣнился новымъ.
Тотъ юноша сталъ мужемъ. Онъ жилищемъ
Избралъ себѣ пустыни знойныхъ странъ,
Гдѣ духъ свой услаждалъ лучами солнца.
Живя средь зрѣлищъ странныхъ и суровыхъ,
Онъ сдѣлался и самъ не тѣмъ, чѣмъ былъ.
Скитальцемъ сталъ онъ суши и морей.
Какъ волны, предо мной чередовались
Картины странъ различныхъ—и повсюду
Я различалъ его. И наконецъ
Я видѣлъ: отъ полуденнаго зноя
Онъ отдыхалъ среди колоннъ упавшихъ,
Уснулъ въ тѣни развалинъ, пережившихъ
Названья тѣхъ, кто древле ихъ воздвигъ.
Кругомъ паслись верблюды и стояли
У водоема спутанные кони,
Въ одеждахъ развѣвающихся мужъ
На стражѣ бодрствовалъ; межъ тѣмъ какъ рядомъ

Дремали люди племени его.
Лазурь небесъ надъ всѣми простиралась,
Столь чистыхъ, столь безоблачно-прозрачныхъ,
Что въ глубинѣ ихъ видно только Бога.

V

Мой сонъ исчезъ и замѣнился новымъ.
Царицу думъ его взялъ въ жены нѣкто,
Ее любившій менѣе, чѣмъ онъ.
Въ своемъ дому—за много тысячъ миль—
Въ своемъ дому она живетъ родимомъ,
Окружена цвѣтущею весною
Прекрасныхъ дочерей и сыновей.
Но посмотри. Легла печать страданій
На ликъ ея и тѣнь борьбы сокрытой.
Глаза ея опущены тревожно,
Какъ будто-бы непролитыя слезы
Отяготили вѣжды ихъ. О чемъ
Ея печаль? Кто ей любимъ, тотъ съ нею.
А тотъ, кто самъ любилъ ее, далеко,
И не смутитъ ея мечтаній чистыхъ
Надеждой низкой, иль желаньемъ грѣшнымъ,
Иль плохо скрытой горестью. О чемъ-же
Ея печаль? Онъ не былъ ей любимъ,
Она его не обольщала лживой
Надеждой на любовь свою. Всему,

Что угнетаетъ духъ ея, не можетъ
Онъ быть причастнымъ—блѣдный призракъ дѣтства.

VI

Мой сонъ исчезъ и замѣнился новымъ.
Домой вернулся странникъ. И я видѣлъ
Его предъ алтаремъ, съ невѣстой рядомъ.
Ея лицо плѣняло красотой,
Но не было лицомъ, что возсіяло
Надъ юностью его звѣздой лучистой.
И вотъ предъ алтаремъ его черты
Вдругъ вспыхнули тѣмъ страннымъ выраженьемъ,
И грудь его стѣснилась той-же дрожью,
Какъ нѣкогда въ часовнѣ одинокой.
Теперь, какъ и тогда въ тотъ часъ прощальный,
Одно мгновенье на его лицѣ
Чувствъ несказанныхъ повѣсть отразилась
И вмигъ исчезла, какъ возникла вмигъ.
Спокойный онъ стоялъ, произнося
Слова обѣта, словъ своихъ не слыша.
Все вкругъ него кружилось и плыло,
И видѣлъ онъ не то, что видѣть могъ-бы,
А старый замокъ, памятныя сѣни,
Знакомые покои. Тѣ мѣста,

Тотъ день и часъ, свѣтъ дня, тѣней узоры,
Все связанное съ этимъ днемъ и мѣстомъ,
И съ той, кто стала рокомъ для него,—
Всѣ образы минувшаго вернулись
И стали между нимъ и свѣтомъ солнца.
Къ чему? что нужно имъ въ подобный часъ?

VII

Мой сонъ исчезъ и замѣнился новымъ.
Владычицу души его — увы —
Глубоко измѣнилъ недугъ душевный.
Ея разсудокъ навсегда покинулъ
Свою обитель, и ея глаза,
Лишившись блеска жизни, созерцали
Предметы неземные, точно стала
Она царицей призрачнаго царства.
Ея мечты казались сочетаньемъ
Вещей несовмѣстимыхъ. Существа,
Ничьимъ глазамъ незримыя отъ вѣка,
Безплотныя, съ ея сдружились взоромъ.
Безумьемъ называютъ это люди,
Но мудрость смотритъ глубже. Для нея
Безумье—роковой и страшный даръ,
Какъ будто-бы подзорная труба
Для истины. Оно пространства міра
Отъ призрачныхъ видѣній обнажаетъ,

Являя жизнь въ послѣдней наготѣ,
И кажется дѣйствительность тогда
Намъ слишкомъ близкой и неодолимой.

VIII

Исчезъ мой сонъ и замѣнился новымъ.
Скиталецъ сталъ какъ прежде одинокъ.
Домашніе покинули его
Иль враждовали съ нимъ. Въ душѣ носилъ онъ
Отчаянья и увяданья знакъ
И окруженъ былъ ненавистью общей
И клеветой. Страданья отравляли
Такъ долго все, къ чему онъ ни касался,
Что наконецъ, какъ древній царь Понтійскій,
Онъ въ пищу сталъ употреблять отравы,
Всю силу потерявшія надъ нимъ.
Онъ жилъ лишь тѣмъ, что смертью угрожаетъ.
Вершины горъ ему друзьями были,
Съ звѣздами, съ вольнымъ геніемъ вселенной
Онъ велъ бесѣды. И они учили
Его волшебству чаръ своихъ. Широко
Предъ нимъ была раскрыта книга ночи.
Онъ бездны голосамъ внималъ, вѣщавшимъ
О чудесахъ и тайнахъ.—Такъ да будетъ. —

IX

Растаялъ сонъ, и новымъ не смѣнился.
Такъ предо мной, какъ будто на яву,
Въ порядкѣ странномъ развивался жребій
Двухъ любящихъ существъ, и завершился
Безумьемъ одного, страданьями обоихъ.

Изъ Шелли

I

Посвященіе

Чья нѣжная любовь, струя небесный свѣтъ,
Хранитъ отъ стрѣлъ вражды и ненависти яда?
Чей кроткій дружескій привѣтъ
За подвигъ высшая награда?

Подъ чьими взорами мой къ правдѣ духъ созрѣлъ
И путь добра избралъ, препятствій не пугаясь?
Въ чьи очи я, любя, глядѣлъ,
Любовью къ людямъ зажигаясь?

Въ твои, о Гарріэтъ!—Всѣ чистыя мечты,
Всѣ пѣсни лучшія вдохновлены тобою.
Твои—всѣ ранніе цвѣты,
Моей сплетенные рукою.

Прижми-же ты къ груди любви моей залогъ
И знай: пройдутъ года, но всякій, что родится
На днѣ души моей цвѣтокъ,
Твоей душѣ лишь посвятится.

II

Озимандія

На-встрѣчу путникъ мнѣ изъ древней шелъ земли
И молвилъ: средь песковъ — минувшихъ дней руина—
Стоятъ двѣ каменныхъ ноги отъ исполина,
Лежитъ разбитый ликъ во прахѣ невдали.

Сурово сжатый ротъ, усмѣшка гордой власти
Твердятъ, какъ глубоко ваятель понялъ страсти,
Что пережить могли солгавшій имъ языкъ,
Служившую имъ длань и сердце—ихъ родникъ.

А вкругъ подножія слова видны въ гранитѣ:
„Я—Озимандія, великій царь царей.
Взгляните на мои дѣянья и дрожите!“

Кругомъ нѣтъ ничего. Истлѣвшій мавзолей
Пустыней окруженъ. Гуляетъ вѣтръ свободный
И стелются пески, безбрежны и безплодны.

III

Доброй ночи!

Доброй ночи?.. Нѣтъ, другъ мой! Та ночь не
добра,
Что велитъ отъ тебя идти прочь.
О, подруга! Останься со мной до утра,
И тогда будетъ добрая ночь.

Ночь добра лишь для тѣхъ, кто любви своей рай
Можетъ длить отъ зари до зари.
Доброй ночи, мой другъ, на словахъ не желай:
Лучше добрую ночь подари!

Облако

I

Отъ ручьевъ и морей свѣжесть лѣтнихъ дождей
Приношу я цвѣтамъ истомленнымъ.
И прозрачную тѣнь я дарю въ знойный день
Листьямъ, въ сладкій покой погруженнымъ.
Я на крыльяхъ несу и роняю росу:
Ею каждая почка упьется,
Пробуждаясь во мглѣ на родимой землѣ,
Что вкругъ солнца, какъ въ пляскѣ, несется.
Града звонкимъ цѣпомъ бью далеко кругомъ,
И бѣлѣютъ зеленые долы.
Я дождемъ разрѣшусь, и безпечно промчусь:
Слышенъ громъ, слышенъ смѣхъ мой веселый.

II

Я на темя холмовъ сѣю хлопья снѣговъ
И всю ночь на ихъ бѣлой постели,
Тамъ, гдѣ сосны, звеня, обступаютъ меня,
Отдыхаю въ объятьяхъ мятели.

На верхушкѣ зубцовъ моихъ легкихъ дворцовъ
Стала молнія, кормчій мой нѣжный,
А въ пещерѣ, въ потьмахъ, громъ томится въ цѣпяхъ,
Завываетъ и бьется, мятежный.
Златокрылый разсвѣтъ на мой зыбкій хребетъ,
Изъ-за моря взлетая, садится,
Смотритъ взоромъ очей, метеоровъ свѣтлѣй,
И звѣзда, умирая, затмится.
А въ тотъ часъ, какъ закатъ, нѣжной грустью объятъ,
Вѣетъ миромъ на алыя волны,
И съ небесныхъ высотъ плащъ пурпурный падетъ
И разстелется, сумерекъ полный,—
Тихо крылья сложу, какъ въ гнѣздѣ я сижу
И дремлю, словно голубь безмолвный.

III

И та дѣва, одѣта въ пламя бѣлаго цвѣта,
Что слываетъ среди смертныхъ луной,
Держитъ путь свой лучистый на помостъ мой волнистый,
Распростертый прохладой ночной.
И когда отъ незримыхъ и едва уловимыхъ,
Только ангеламъ внятныхъ шаговъ
Рвется кровъ тонко тканный моей кельи туманной,—
Звѣзды смотрятъ сквозь порванный кровъ.

И смѣюсь я, взирая, какъ, рѣзвясь и играя,
Золотые ихъ рои летятъ,
И все дальше рву складки вѣтротканной палатки,
До тѣхъ поръ, какъ внизу заблестятъ
Неподвижныя воды, точно звѣздные своды,
Павши на земь, въ осколкахъ лежатъ.

IV

Солнце тронъ я кругомъ опояшу огнемъ,
А луну—діадемой жемчужной.
Потускнѣетъ вулканъ въ часъ, когда ураганъ
Развѣваетъ мой флагъ, съ бурей дружный.
Отъ земли до земли опрокинусь вдали,
Точно мостъ надъ пучиной морскою.
Лучъ дневной въ вышинѣ притупится на мнѣ,
Гребни горъ—какъ столбы подо мною.
Краски радуги—сводъ тріумфальныхъ воротъ,
И чрезъ нихъ возвращаюсь я съ боя;
Пламя, вихорь и снѣгъ провожаютъ мой бѣгъ,
Какъ рабы—колесницу героя;
Солнце льетъ на меня краски нѣжныя дня,
А земля дышетъ счастьемъ покоя.

V

Я землей рождено, я водой вспоено,
Взращено средь небесной равнины.

Отдыхаю въ горахъ, исчезаю въ моряхъ,
Я мѣняюсь, но нѣтъ мнѣ кончины.
Когда вслѣдъ за дождемъ ни единымъ пятномъ
Не покрытъ сводъ небесъ обнаженный,
Когда воздухъ и свѣтъ созидаютъ, мнѣ вслѣдъ,
Синій куполъ, грозой потрясенный,
Въ саркофагѣ своемъ я смѣюсь и тайкомъ
Изъ пещеры дождей выплываю.
Какъ изъ чрева дитя, вдругъ явлюсь и, шутя,
Синій куполъ опять разрушаю.

Аласторъ

„Nondum amabam et amare amabam, quaerebam quid amarem amans amare".
Confess. St. Augustini

Земля и воздухъ, океанъ и небо,
Вы — братья, мной любимые! За то,
Что наша мать великая мнѣ въ душу
Вложила даръ дышать любовью вашей
И на любовь любовью откликаться, —
За то, что были дороги мнѣ утро
Росистое, душистый полдень, вечеръ
Со свитой тучекъ, пурпуромъ одѣтыхъ,
И полночи безмолвное дыханье,
И осени въ лѣсу глухіе стоны,
И снѣжный плащъ, и льдистая корона
Сѣдой зимы, и трепетъ сладострастный,
И первое лобзаніе весны;
За то, что птичкѣ радостной иль мошкѣ
Сознательно ни разу не вредилъ я,
Но ихъ ласкалъ, какъ существа родныя:

За это все простите мнѣ, о братья,
Что я дерзнулъ васъ братьями назвать, —
И, какъ всегда, мнѣ будьте благосклонны.

Благослови, о ты, вселенной мать,
Торжественный мой гимнъ. Тебя всю жизнь,
Одну тебя любилъ я. Неустанно
Я за твоей слѣдилъ воздушной тѣнью
И проникать старался въ сумракъ тайный
Твоихъ путей и въ глубь твоихъ судебъ.
Я отдыхалъ среди могилъ, гдѣ Смерть
Скрываетъ счетъ трофеямъ, у тебя
Отторгнутымъ, и ждалъ въ надеждѣ робкой,
Что посланный тобой предстанетъ геній,
Повѣдаетъ мнѣ, кто̀ я, и откроетъ
Разгадку всѣхъ мучительныхъ вопросовъ.
Въ безмолвные часы уединенья,
Когда молчитъ и что-то шепчетъ полночь,
Я, какъ сѣдой алхимикъ, что всю жизнь
Связалъ съ какой-то смутною надеждой,
Приготовлялъ невѣдомыя чары
Изъ страшныхъ словъ, молящихъ взоровъ, вмѣстѣ
Съ невиннѣйшей любовью, со слезами
Чистѣйшими, съ лобзаньями нѣмыми,
Покуда силой этихъ чаръ могучихъ
Не заставлялъ нѣмую ночь повѣдать,

О чемъ ты съ ней бесѣдовала скрыто.
И хоть еще донынѣ не проникъ я
Въ послѣднее святилище твое,—
Но въ дивныхъ снахъ, въ мечтаніяхъ туманныхъ
И въ ясныхъ мысляхъ столько мнѣ открылось,
Что нынѣ я спокойно и недвижно,—
Какъ лира, что виситъ въ пустынномъ храмѣ,
Забытая, подъ сводомъ одинокимъ,—
Жду твоего дыханія, о мать,
Чтобъ звуки пѣсни полились согласно
Съ роптаньемъ вѣтровъ, съ шелестомъ лѣсовъ,
Съ журчаньемъ струй пѣвучихъ, съ голосами
Живущихъ тварей, съ гимномъ дня и ночи,
Съ біеньемъ тихимъ сердца человѣка.

Жилъ нѣкогда поэтъ. Гробницы ранней
Надъ нимъ любовь людская не воздвигла,
Лишь тлѣющій курганъ изъ листьевъ старыхъ
Надъ юнымъ прахомъ, тлѣющимъ въ пустынѣ,
Нагромоздила плачущая осень.
Онъ былъ красивъ, но дѣвы молодыя
Сырого ложа вѣчнаго покоя
Не увѣнчали грустными вѣнками
Изъ яркихъ розъ иль вѣтокъ кипарисныхъ.
Онъ кротокъ былъ, отваженъ, благороденъ,
Но звучными стихами бардъ искусный
Его судьбы печальной не прославилъ.

Онъ жилъ, угасъ и пѣлъ въ уединеньи.
И плакали, внимая пѣснямъ страстнымъ,
Сыны пустынь далекихъ, и повсюду,
Гдѣ проходилъ невѣдомый онъ мимо,
По немъ, грустя, вздыхали дѣвы, сердцемъ
Отъ пламени очей его сгорая.
Увы, теперь потухло это пламя,
И, полюбивъ поэта голосъ сладкій,
Молчаніе ревниво схоронило
Его на вѣкъ въ своихъ владѣньяхъ мрачныхъ.
Въ мечтахъ высокихъ, въ свѣтлыхъ снови-
дѣньяхъ
Онъ молодость провелъ,—и всякій образъ,
И всякій звукъ въ природѣ необъятной
Чистѣйшій звукъ и образъ въ немъ рождали.
И устъ его, столь жаждавшихъ познаній,
Не миновалъ божественный родникъ.
Все доброе, великое, святое,
Что̀ лѣтопись иль басня сохранили,
Онъ чувствовалъ и зналъ. Когда же рано
Дни юности минули, онъ покинулъ
Свой тѣсный домъ и свой очагъ холодный,
И въ поиски за правдой вдаль пустился.
Его влекли далекія пустыни,
Гдѣ голосомъ пріятнымъ, взоромъ кроткимъ
Онъ дикарямъ платилъ за кровъ и пищу.

Онъ слѣдовалъ повсюду за природой,
Какъ тѣнь, на всѣхъ путяхъ ея сокрытыхъ
Туда, гдѣ дымъ багровый отъ вулкана
Клубится надъ нетающими льдами
И снѣжными полянами, — гдѣ бьются
Объ острые утесы островковъ
Озеръ смолистыхъ медленныя волны, —
Гдѣ къ родникамъ огня или отравы
Ведутъ, змѣясь, глубокія пещеры,
Въ несчетныя палаты развѣтвляясь,
Со сводами алмазно-золотыми,
Съ хрустальными колоннами повсюду,
Съ ковчегами изъ жемчуговъ блестящихъ,
Съ престолами изъ хризолитовъ яркихъ,
Для суетной корысти недоступныхъ.
Но зрѣлище, прекраснѣе алмазовъ
И золота, — цвѣтущая земля
И сводъ небесъ, всегда разнообразныхъ, —
Его мечты не меньше привлекало.
Любя бродить въ долинахъ одинокихъ,
Пустыню онъ въ жилище превращалъ, —
И, нѣжнымъ очарованныя взоромъ,
Тамъ голуби и бѣлки съ нимъ дѣлили
Безкровную изъ рукъ безвредныхъ пищу.
И дикая газель, что отъ паденья
Засохшей вѣтки вздрагиваетъ чутко,

Свой быстрый бѣгъ невольно замедляла,
Чтобъ посмотрѣть на образъ лучезарный,
Ея самой прекраснѣе.
Стремленьямъ
Возвышеннымъ покорный, посѣтилъ
Онъ мрачныя руины дней минувшихъ:
Аѳины, Тиръ, Бальбекъ, Іерусалима
Пустынное кладбище, Вавилона
Поверженныя башни, пирамиды —
Любимицы вѣковъ — Мемфисъ и Ѳивы,
И саги всѣ, которыя безмолвно
Начертаны на сфинксахъ поврежденныхъ,
На яшмовыхъ гробницахъ, обелискахъ
Изъ мрамора, — на всемъ, что̀ сохранили
Пустынной Эѳіопіи холмы.
Среди колоннъ гигантскихъ, изваяній,
Превосходящихъ формы человѣка,
Среди руинъ давно забытыхъ храмовъ,
Гдѣ демоны изъ мрамора на стражѣ
Стоятъ вкругъ мѣдной тайны Зодіака,
Гдѣ по стѣнамъ безмолвнымъ притаились
Безмолвныя людей умершихъ думы, —
Тамъ долго онъ блуждалъ при свѣтѣ солнца
И размышлялъ о молодости міра,
И вопрошалъ загадочные камни.
И въ часъ, когда луна нѣмые своды

Дрожащими тѣнями населяла,
Онъ все глядѣлъ и размышлялъ, покуда
Сокрытый смыслъ минувшаго и тайны
Рожденія временъ не возникали
Въ его душѣ при блескѣ вдохновенья.

Межъ тѣмъ къ нему свою дневную пищу
Младая дочь Аравіи носила
Изъ шалаша отцовскаго и ложе
Изъ тростника готовила, заботясь
О немъ въ часы занятій и досуговъ, —
Влюбленная, но отъ любви глубокой
Ему о томъ повѣдать не дерзая.
Поэта сонъ она оберегала,
Не зная сна, прикованная взоромъ
Къ его устамъ, дышавшимъ безмятежно
Отрадою невинныхъ сновидѣній.
Когда-же день румянился и блѣдный
Еще блѣднѣе мѣсяцъ становился,
Она въ свой домъ постылый уходила,
Печальная, дрожащая, нѣмая.
Такъ странствуя, прошелъ поэтъ счастливый
Чрезъ Персію, Аравію, пустыню
Керманскую, заоблачныя горы,
Гдѣ въ ледяныхъ пещерахъ Индъ и Оксусъ
Рождаются, покуда, наконецъ,

Онъ не достигъ долины Кашемира,
И тамъ вдали, въ невѣдомой лощинѣ,
Въ тѣни душистой зелени, подъ сводомъ
Нависшихъ скалъ, на берегу ручья,
Онъ отдыхомъ крѣпительнымъ забылся.
И сонъ его видѣнье посѣтило,
И грезы о блаженствѣ неизвѣстномъ,
Донынѣ въ немъ не волновавшемъ крови.
И видѣлъ онъ: закутанная дѣва,
Сѣвъ близь него, торжественно и тихо
О чемъ-то съ нимъ бесѣду повела.
И голосъ дѣвы былъ похожъ на голосъ
Его души въ часы мечтаній тихихъ.
И въ яркой сѣти нѣжныхъ словъ, сплетенной
Изъ лепета ручья и вздоховъ вѣтра,
Поэта сердце сильно трепетало.
Она ему вѣщала про свободу,
Про истину, любовь и добродѣтель,
Про все ему святое, про искусство
Поэзіи, — сама поэтъ искусный.
Но вотъ души высокое паренье
Все существо въ ней пламенемъ объяло,
И голосомъ, безсильнымъ отъ восторга,
Дрожащимъ отъ рыданій заглушенныхъ,
Она предъ нимъ запѣла въ ритмѣ дикомъ.
Однѣ ея лишь видны были руки,

Порхавшія по струнамъ арфы странной,
И въ нѣжныхъ жилкахъ кровь переливаясь
О чемъ-то дивномъ взору говорила.
Всѣ промежутки пѣнья наполняло
Біенье сердца. Страстное дыханье
Сопровождало трепетные звуки.
И вдругъ она вскочила, словно сердце
Изнемогло подъ бременемъ восторга.
И юноша увидѣлъ, обернувшись,
Подъ легкой тканью дѣвственные члены
Въ сіяньи тёпломъ, ими-же разлитомъ.
Обнажены простертыя объятья,
Разметана по вѣтру смоль кудрей,
Опущены сверкающія очи,
И блѣдныя, раскрытыя отъ страсти,
Огнемъ любви уста ея трепещутъ.
И сильное забилося въ немъ сердце
Могучимъ чувствомъ. Онъ дрожа воспрянулъ,
Дыханье затаивъ, простеръ объятья,
Чтобъ грудь ея прижать къ груди пылавшей.
На мигъ она въ испугѣ отклонилась,
Но вслѣдъ затѣмъ, съ безумнымъ крикомъ счастья,
Неодолимой страсти уступая,
Къ нему въ объятья мощныя упала.
Тогда его глаза окуталъ сумракъ,
И ночь видѣнье счастья поглотила,

И сонъ, какъ-бы рѣка, преграду встрѣтивъ,
Обратно волны черныя погналъ
На мозгъ его померкшій.
Онъ въ испугѣ
Вскочилъ со сна и вкругъ себя увидѣлъ
Холодный блескъ разсвѣта, блѣдный мѣсяцъ,
Надъ западомъ склонившійся, холмы
Въ изломанныхъ и рѣзкихъ очертаньяхъ,
Далекій долъ, пустынные лѣса.
Куда-жъ исчезли краски неземныя,
Которыхъ ткань надъ нимъ простерлась ночью,
И звуки, что̀ во снѣ его ласкали,
И красоты земной восторгъ и счастье,
И радость, и величье? Онъ глядѣлъ
На міръ пустынный взоромъ безучастнымъ,
Какъ смотритъ мѣсяцъ, моремъ отраженный,
На мѣсяцъ, въ небесахъ плывущій. Геній
Земной любви послалъ свой свѣтлый призракъ
Къ нему, пренебрегавшему столь долго
Ея дарами лучшими. Теперь
Онъ ищетъ жадно призракъ этотъ легкій
Здѣсь на землѣ, внѣ царства сновидѣній.
Увы! Ужель дыханье, жизнь и члены
Обманчивымъ сплетеньемъ только были?
Потеряно, потеряно навѣки
Въ пустынѣ сна, откуда нѣтъ дороги,

Прекрасное видѣніе. О, сонъ,
Ужель ведутъ въ таинственный твой рай
Лишь темныя врата угрюмой смерти?
И надъ твоимъ эдемомъ, полнымъ счастья,
Ужель она свой синій сводъ простерла,
Укутанный въ ползучіе туманы,
Въ могильныя гнилыя испаренья,
Которыя отъ глазъ ея скрываютъ
Свѣтъ солнца ненавистный? Съ дикой силой
Сомнѣнья эти грудь его сжимаютъ,
И, горя безнадежнаго больнѣе,
Надежды жало мозгъ его язвитъ.

Покуда день сіялъ кругомъ, поэтъ
Съ своей душой нѣмую велъ бесѣду,
А ночью страсть опять имъ овладѣла,
Какъ злобный духъ горячечнаго бреда,
Лишила сна и въ тьму впередъ погнала.
Какъ-бы орелъ, змѣей обвитый пестрой,
И жгучій ядъ въ груди своей почуявъ,
Полетъ безумный слѣпо направляетъ
Сквозь мракъ и свѣтъ, и тишину, и бурю,
И воздуха безбрежныя пустыни,
И сумракъ тучъ, отъ мукъ изнемогая,—
Такъ, дивнымъ сновидѣніемъ гонимый,
Въ холодномъ блескѣ ночи безучастной

Онъ шелъ впередъ чрезъ топи и лѣса,
Вдоль сумрачныхъ ущелій пробирался,
Пугая змѣй, дремавшихъ въ свѣтѣ лунномъ.
Потомъ на небѣ утро заалѣло
И блѣдное лицо его покрыло
Румянцемъ жизни, словно насмѣхаясь, —
А онъ все шелъ, покуда съ Петры дикой
Не увидалъ Аорна средь тумана, —
И черезъ Балкъ, и чрезъ холмы, гдѣ вѣтеръ
Разноситъ прахъ съ могилъ царей парѳянскихъ,
Онъ дальше шелъ безъ мысли, день за днемъ,
Нося въ груди повсюду пламя скорби,
Всѣ соки жизни жадно пожиравшей.
Онъ исхудалъ, ослабъ. Играли вѣтры
Волной кудрей, повисшихъ въ безпорядкѣ.
Какъ мертвыя, безсильно опустились
Изсохшей кожей стянутыя руки.
И лишь въ очахъ глубокихъ, словно искра
Подъ грудой пепла, жизнь мерцала робко
И догоралъ огонь страданій тайныхъ.
Съ нимъ хлѣбъ дѣля, радушный поселянинъ
Съ невольнымъ изумленіемъ и страхомъ
На бѣглеца безмолвнаго глядѣлъ.
И житель горъ, надъ пропастью бездонной
Завидѣвши недвижный образъ, думалъ,
Что вѣтровъ духъ, съ горящими глазами,

Съ дыханьемъ жаркимъ, на полянѣ снѣжной,
Ея стопой воздушной не касаясь,
Отъ бѣга отдыхаетъ. И встрѣчая
Безумный взоръ, испуганныя лица
Въ одежду матерей скрывали дѣти,
И часто имъ въ позднѣйшихъ сновидѣньяхъ
Онъ грезился. Лишь только дѣвамъ юнымъ
Природы голосъ открывалъ неясно
Его тоски причину. Называли
Онѣ его названьемъ ложнымъ друга
Иль брата, — разставаясь, крѣпко руку
Безкровную сжимали и въ слезахъ
Глядѣли на стезю, которой быстро
Отъ хижинъ ихъ отцовъ онъ удалялся.

На берегу Харезма, въ мѣстѣ дикомъ,
Среди болотъ печальныхъ и гнилыхъ,
Онъ, наконецъ, далъ отдыхъ членамъ слабымъ.
Его манилъ какой-то голосъ къ морю.
Межъ тростниковъ, близъ тихаго ручья,
Онъ лебедя узрѣлъ. Шаги почуявъ,
Могучія простерла птица крылья
И, къ небесамъ поднявшись, свой полетъ
Направила надъ моремъ безпредѣльнымъ.
Ей вслѣдъ глядѣлъ онъ.—„Ты свой домъ имѣешь,
Въ свое гнѣздо, прекрасная, ты мчишься,

Гдѣ твой прилетъ подруга встрѣтитъ нѣжно,
Съ блестящими отъ радости глазами,
И шейкою пушистой обовьется
Вокругъ твоей. А я,—увы,—скитаться
Здѣсь осужденъ одинъ, хотя мой голосъ
Пріятнѣе, чѣмъ твой напѣвъ предсмертный,
Обширнѣй умъ, чѣмъ твой, прекраснѣй члены,—
Но расточать я долженъ эти силы
Наединѣ лишь съ воздухомъ глухимъ,
Съ землей слѣпой, да съ небомъ безотвѣтнымъ!"—
И горькая улыбка искривила
Его уста дрожавшія. Онъ зналъ,
Что не отдастъ своей добычи милой
Жестокій сонъ,—и тихій призракъ Смерти,
Какъ призракъ сна, быть можетъ, вѣроломный,
Съ улыбкою насмѣшливо-холодной
Его манилъ туманнымъ обѣщаньемъ.

Испуганный мечтой, онъ оглянулся
Вокругъ себя. Ничто не нарушало
Спокойствія природы, кромѣ бури
Его души. Нетерпѣливымъ взоромъ
Онъ небольшой, близъ берега плывущій,
Открылъ челнокъ. Тотъ былъ давно покинутъ
И, по бокамъ разсѣвшійся мѣстами,
По прихоти волны качался, утлый.

И властный зовъ души ему велѣлъ
Ступить въ челнокъ и по волнамъ пустыннымъ
На встрѣчу плыть безмолвной Смерти. Зналъ
онъ,
Что любитъ Смерть прохладныя пещеры
Морскихъ пучинъ, чудовищами полныхъ.

Былъ свѣтлый день. Сверкали небеса
И море. Волны омрачая рябью,
Дулъ сильный вѣтеръ съ берега. Въ челнокъ
Вскочилъ, послушный зову сердца, странникъ,
Высоко плащъ простеръ надъ мачтой голой,
Безмолвно сѣлъ, и по волнамъ спокойнымъ
Помчался челнъ, какъ тучка передъ бурей.

Какъ-бы корабль волшебныхъ сновидѣній,
Послушный крыльямъ вѣтровъ благовонныхъ,
Несущійся по радужнымъ туманамъ,—
Такъ быстро чрезъ бушующія воды
Летѣлъ челнокъ. Съ неукротимой силой
По бѣлымъ гребнямъ бѣшенаго моря
Его бросалъ, рѣзвяся, вихорь дикій.
И, корчась подъ бичами бури, словно
Змѣя въ когтяхъ у коршуна, все выше
Вздымали волны головы сѣдыя.
Но юноша сидѣлъ безпечно-тихій

Среди борьбы стихій неукротимыхъ,
Сшибающихся вѣтровъ и потоковъ
Кипящихъ водъ, въ разверстыя пучины
Съ размаху низвергающихся. Сильно
Держась за руль, сидѣлъ онъ, точно духи
Пучины указать ему дорогу
Должны къ очамъ любимымъ. Скоро вечеръ
Насталъ, и въ брызгахъ пѣны, застилавшихъ
Его подвижнымъ пологомъ, повсюду
Лучи заката радуги зажгли.
И сумерки, сойдя съ востока тихо,
Разсыпали темнѣющія кудри
Вкругъ свѣтлаго чела и глазъ лучистыхъ
Красавца-дня. Въ одеждѣ звѣздной гордо
Спустилась ночь. И точно насмѣхаясь
Надъ тишиной сіяющихъ небесъ,
Еще грознѣй несчетные потоки
Среди пустынь изборожденныхъ моря
На битву, съ дикимъ ревомъ, устремились.
А утлый челнъ все мчался передъ вихремъ,
Все мчался, словно пѣна водопада,
Рожденнаго средь скалъ потокомъ зимнимъ.
То на верху иззубреннаго вала
Онъ отдыхалъ, то, море потрясая,
За нимъ вослѣдъ пучина разверзалась.
А онъ впередъ стремился невредимо,

Какъ будто-бы не человѣкъ безсильный,
А мощный богъ стихіи въ немъ сидѣлъ.

Луна взошла лишь въ полночь. Посмотри:
Вблизи встаютъ кавказскія вершины,
И въ небесахъ вѣнцы ихъ ледяные
Средь блѣдныхъ звѣздъ горятъ сіяньемъ солнца.
А возлѣ ихъ ущелистой подошвы
Неумолкаетъ бѣшеный прибой
И между скалъ кипитъ водоворотомъ.
Туда челнокъ стремится. — Кто спасетъ?
Кругомъ торчатъ объятья скалъ угрюмыхъ,
Ущелья горъ нависли надъ водами,
И все быстрѣй, съ неодолимой силой,
На выгнутомъ хребтѣ волны коварной
Летитъ челнокъ. Глубокая пещера
Зіяла тамъ, и волны исчезали
Въ ея изгибахъ мрачныхъ и далекихъ.
Туда челнокъ влетѣлъ стрѣлой. — „Любовь
И счастіе“, — поэтъ воскликнулъ громко,
„Я видѣлъ путь, которымъ вы исчезли;
Пусть Сонъ и Смерть не разлучатъ насъ больше!“

Въ излучинахъ разсѣлины глубокой,
Надъ черными водами наконецъ
Забрезжилъ день. Здѣсь волны не шумѣли,

И тихо плылъ челнокъ надъ глубью мирной.
Но тамъ, гдѣ горъ изорванныя кручи
Въ лазурь небесъ возносятъ мракъ ущелій, —
Предъ тѣмъ какъ, громомъ скалы потрясая,
Потокъ ниспалъ къ подножію Кавказа,
Уже морской приливъ всю эту пропасть
Водоворотомъ яростнымъ наполнилъ.
Шумя, крутясь, какъ будто на ступени,
Взбирались волны съ быстротой ужасной,
И чередой съ разбѣгу ударялись
Объ сѣть корней деревьевъ-великановъ,
Простершихъ въ мракъ гигантскія объятья.
Лишь озеро стояло посединѣ
Въ безмолвіи зловѣщемъ и коварномъ,
Уродливо всѣ тучи отражая.
И вотъ челнокъ, подхваченный потокомъ,
Кружиться сталъ быстрѣе и быстрѣе
Съ утеса на утесъ, пока высоко
Не сталъ у края пропасти, гдѣ воды
Въ отверзтое вливалися ущелье
И гдѣ среди кипящихъ волнъ недвижно
Зеркальное пространство сохранилось.
Что будетъ съ нимъ? Низвергнется-ль онъ въ пропасть?
Его-ль потокъ, вернувшися, проглотитъ?
Все кончено-ли? Съ запада примчавшись,

Вдругъ легкій вѣтеръ вздулъ надъ лодкой парусъ,
И посмотри! Средь мшистыхъ скатовъ тихо
Плыветъ челнокъ по мирному ручью,
Подъ кущею прохладной. И послушай!
Далекій ревъ кипящаго потока
Сливается здѣсь съ шелестомъ пріятнымъ.
А гдѣ, тѣснясь, деревья отступили,
Чтобъ мѣсто дать прогалинѣ зеленой, —
Тамъ вдругъ открылась спрятанная бухта.
На берегу цвѣты желтѣли ярко
И, наклонясь надъ зеркаломъ воды,
Глядѣли, молча, въ собственныя очи.
Но челнокомъ рожденное волненье
Ихъ отвлекло отъ мирнаго занятья,
Которое донынѣ нарушали
Лишь шопотъ вѣтра, тростника паденье,
Да птицъ полетъ, да осени рука.
Ихъ красками веселыми поэтъ
Вдругъ увѣнчать свои задумалъ кудри,
Но вскорѣ вновь уединенья жажда
Проснулась въ немъ, — и онъ забылъ желанье.
Надъ жизнію его, еще не сбывшись,
Рѣшенье роковое тяготѣло
И лишь во всѣхъ движеньяхъ отражалось,
Въ потупленныхъ очахъ, въ лицѣ безкровномъ:
Такъ молнія всю тучу освѣщаетъ,

Предъ тѣмъ какъ громъ еще не разразился
И ночи мракъ ее не поглотилъ.

Теперь сіялъ надъ темнымъ лѣсомъ полдень,
И, узкую долину обрамляя,
Играла зелень множествомъ тѣней.
Глухія, у подошвы скалъ, пещеры
Лѣсному гулу вторили немолчно,
Какъ-бы дразня. Причудливо сплетаясь,
Листва и вѣтви сумерки струили
Вокругъ пѣвца, который шелъ на зовъ
Любви, иль сна, иль Бога, или смерти,
Ища кругомъ уютный уголокъ,—
Природы колыбель,—чтобъ въ ней устроить
Себѣ могилу. Тѣни все сгущались.
Могучій дубъ и легкій букъ сжимали
Въ объятіяхъ другъ друга. Стройный кедръ
Простеръ высоко куполъ величавый;
Внизу подъ нимъ, какъ тучки на лазури,
Акація и ясень трепетали
Листвою блѣдной. Словно змѣи, въ пламя
И въ радугу одѣтыя, вкругъ сѣрыхъ
Стволовъ вились ползучія растенья,
Усѣяны несчетными цвѣтами
И отпрысками нѣжными, ласкаясь
Къ любимымъ сучьямъ, какъ дитя съ невинной

И своенравной лаской обнимаетъ
Родимой грудь. Лазурь дневного свѣта
Сквозь сѣть вѣтвей причудливо играла,
Какъ облаковъ неуловимый отблескъ.
Душистыя и мягкія лужайки,
Холмясь въ тѣни зеленыхъ кущъ, глядѣли
Цвѣтковъ веселыхъ яркими глазами.
Изъ сумрака долины, опьяняя,
Цвѣтущихъ розъ дыханье разносилось,
Будя въ душѣ таинственныя грёзы.
Молчаніе и сумерки, обнявшись,
Свершая свой полуденный дозоръ,
Подъ сводомъ лѣса рѣяли незримо,
Какъ призраки воздушные. Ручей
Прозрачно-струйный, темный и зеркальный,
Недвижно отражалъ навѣсъ изъ сучьевъ,
И каждый листъ, и каждый просвѣтъ неба,
Сквозь сѣть листвы глядѣвшій безмятежно.
Весь день онъ спитъ, его лишь ночью будитъ
Прокравшійся звѣзды далекой трепетъ,
Да въ лунномъ свѣтѣ дремлющая птица,
Да мотылекъ, порхающій беззвучно,
Еще не видѣвъ солнца и полудню
Еще не показавши пышность крыльевъ.
Туда пришелъ поэтъ. Въ ручьѣ глубокомъ
Сквозь шелкъ кудрей свой собственный огонь

Его глаза увидѣли: такъ сердце,
Паря во снѣ надъ мракомъ гроба, видитъ
Въ немъ собственный обманчивый свой образъ.
Онъ слышалъ трепетъ листьевъ, шелестъ травъ,
Испуганныхъ приходомъ необычнымъ,
И сладкое журчанье ручейка,
Рожденнаго незримыми ключами.
Казалось, духъ стоялъ предъ нимъ могучій
И въ шелестѣ деревъ, въ журчаньи струй,
Въ безмолвіи долины, въ трепетаньи
Сгущающихся сумерекъ вечернихъ,
Съ нимъ важную бесѣду велъ. Казалось,
Что цѣлый міръ былъ кромѣ нихъ безлюденъ.
И лишь когда, задумавшись глубоко,
Онъ поднималъ свой взоръ, предъ нимъ два глаза
Сквозь дымку грёзъ, какъ звѣзды, зажигались,
И голубой, безоблачной улыбкой
Манили вдаль, съ собой...
Послушный свѣту
Въ его душѣ сіявшему, онъ шелъ,
Куда вели излучины долины.
Свободно-рѣзвый—по оврагамъ яркимъ
Бѣжалъ потокъ, — и смутное журчанье,
Какъ будто дальній шопотъ, разносилось
По мшистымъ берегамъ. Порой по камнямъ
Отточеннымъ онъ прыгалъ, какъ дитя,

Бѣгущее со смѣхомъ беззаботнымъ.
Затѣмъ опять спокойно онъ змѣился
Межъ береговъ цвѣтущихъ, отражая
Цвѣточекъ каждый, каждую былинку.
— „Скажи, потокъ, изъ родниковъ глубокихъ
Незримо вытекающій! Куда ты
Несешь свои невѣдомыя воды?
На жизнь мою похожъ ты, о потокъ,
Своимъ покоемъ темнымъ, чистотою
Зеркальныхъ водъ, пучинъ сокрытыхъ глубью,
Таинственнымъ началомъ и теченьемъ.
Лишь океанъ, лишь сводъ небесный знаютъ,
Куда несешь ты отраженья тучекъ
Блуждающихъ иль тинистыхъ пещеръ,
Какъ мнѣ сказать вселенная лишь можетъ,
Гдѣ будутъ жить живыя эти мысли,
Когда мой прахъ бездомный вѣтеръ буйный
По берегамъ твоимъ развѣетъ мирнымъ“.
И вдоль потока шелъ онъ, погружая
Въ зеленый мохъ трепещущія ноги,
Горѣвшія огнемъ зловѣщимъ. Будто
Больной, подъятый съ ложа бредомъ дикимъ,
Онъ вдаль спѣшилъ, но только, какъ больной,
Не забывалъ о сумрачной могилѣ,
Куда на вѣкъ сойти онъ будетъ долженъ,
Когда порыва слабый пылъ остынетъ.

Спѣша, онъ шелъ подъ тѣнью кущъ зеленыхъ,
Болтливому ручью внимая молча.
Но вотъ деревьевъ мрачный сводъ смѣнился
Смѣющимся небесъ вечернихъ сводомъ.
Сѣдыя скалы, въ тощій мохъ одѣты,
Стѣснили путь взмущеннаго потока,
По дикимъ скатамъ тонкій хвощъ цѣплялся,
И спутанные корни старыхъ сосенъ,
Поверженныхъ грозою и спаленныхъ,
Съ землей безплодной крѣпко обнимались.
Природа съ каждымъ шагомъ становилась
Все сумрачнѣй: такъ и съ теченьемъ жизни
Морщинится открытое чело
И волосы сѣдѣютъ и сѣкутся,
И влажные, блестящіе глаза
Становятся безцвѣтны и недвижны.
Но, позади все дальше оставляя
Долинъ цвѣтущихъ яркіе цвѣты,
Прохладу рощъ и шелестъ сладкозвучный
Густыхъ вершинъ и вѣтеръ ароматный,
Спокойно шелъ впередъ онъ вдоль потока.
А тотъ бѣжалъ съ стремительностью новой
Чрезъ лабиринтъ долины, пробивая
Въ крутыхъ обрывахъ тѣсную дорогу.
Со всѣхъ сторонъ утесовъ обнаженныхъ
Могучія и черныя вершины

Въ лучахъ заката высились угрюмо,
А на верху, среди обломковъ камней,
Зіяющія бездны раскрывали
Свои ущелья, пропасти, пещеры.
Тамъ эхо стоголосое, укрывшись,
Потока реву вторило. Гляди!
Гдѣ каменныя челюсти тѣснины
Разверзлися, гора упала круто,
И кажется, что будто надъ вселенной,
Столпившися, ея нависли гребни:
Предъ ней внизу, въ мерцаніи луны
И блѣдныхъ звѣздъ, раскинулись далеко
Озера съ островками, цѣпи горъ
Синѣющихъ, могучіе потоки, .
Въ свинецъ печальный сумерекъ вечернихъ
Одѣтыя поляны и холмы,
Горящіе на дальнемъ небосклонѣ
Зари послѣднимъ отблескомъ и вскорѣ
Покрытые ужъ тьмою. А вблизи,
Какъ будто даль искусно оттѣняя,
Все наготой суровою пугало.
На голомъ камнѣ выросши, сосна
Надъ бездною, дрожа, простерла сучья,
На каждый зовъ грозы давая откликъ
И каждый роздыхъ бури наполняя
Могучимъ шумомъ, смѣшаннымъ со стономъ

И съ грохотомъ потоковъ безпріютныхъ,—
Межъ тѣмъ рѣка вспѣненная бѣжала
По ложу каменистому и въ бездну
Испуганно кидалася, по вѣтру
Бѣлѣющія брызги разметавъ.

Но не одинъ потокъ, сосна да пропасть,
Пугая мысль, тамъ взору открывались.
Тамъ уголокъ еще виднѣлся мирный
Высоко, надъ ущельемъ. Окруженный
Обломками утесовъ и корнями,
Онъ весело взиралъ на міръ угрюмый
И на мерцанье звѣздъ; въ объятьяхъ скорби,
Казалось, онъ безпечно улыбался.
Всползая по растрескавшимся камнямъ,
Зеленый плющъ бесѣдкой вѣчно яркой
Раскинулся надъ дѣвственною почвой.
Туда, рѣзвясь, осеннихъ вихрей дѣти
Сносили въ груду тлѣющія листья,
Чьимъ палевымъ и рдянымъ переливамъ
Завидовать могла бы гордость лѣта;
Тамъ отдыхали тихіе зефиры,
Чье сладкое дыханье и пустыню
Любить покой могло бы научить.
Туда лишь разъ, одинъ лишь разъ ступила,
Нарушивъ тишину, нога людская,—

Тамъ разбудилъ одинъ лишь голосъ эхо,
Тотъ голосъ, что привелъ туда, примчавшись
На крыльяхъ вѣтра, лучшаго изъ смертныхъ,
И повелѣлъ похоронить въ пустынѣ
Движеній юныхъ красоту и нѣгу,
Совлечь свое величье, звуки пѣсенъ
Развѣять по безчувственному вихрю
И въ листьяхъ влажныхъ, и въ землѣ сырой,
Поросшей мхомъ и яркими цвѣтами,
Сокрыть лица измѣнчивую прелесть
И снѣгъ груди, и скорбь очей глубокихъ.
Луна висѣла низко надъ горою
И море свѣта по-небу струила.
Ея сіяньемъ блѣднымъ насыщенный,
Туманъ, желтѣя, въ воздухѣ клубился.
Ни звука, ни звѣзды. Въ объятьяхъ бездны
Заснулъ, какъ убаюканный, злой вихорь,
Опасности угрюмый сотоварищъ.
О, буря смерти! Ты, чья мощь незримо
Молчанье этой ночи проникаетъ!
И ты, Скелетъ гигантскій, ты, что правишь
Ея побѣднымъ шествіемъ всевластно,
Вселенной царь, къ тебѣ взываетъ голосъ
Съ полей кровавыхъ битвъ, изъ тьмы больницъ,
Съ священнаго одра героя, съ ложа
Невинности стыдливо-чистой, съ трона

И съ эшафота. Гибель кличетъ смерть —
Свою сестру. Всю землю обошедши,
Она добычу царскую собрала.
Насыться же и отдохни. Пусть люди
Дотащатся спокойно до могилы,
Какъ червяки, и больше не приносятъ
На алтарѣ твоемъ неумолимомъ
Сердецъ разбитыхъ жертвы безполезной.

Когда порога тишины и мрака
Коснулся странникъ, зналъ онъ, что надъ нимъ
Парила смерть. Но прежде чѣмъ умчаться,
Высокій духъ въ немъ набожно предался
Минувшаго видѣньямъ лучезарнымъ.
И образы носились вереницей
Черезъ его страдальческую душу,
Какъ будто чрезъ забытое жилище
Проходитъ тихо вѣтеръ сладкозвучный.
На грубый стволъ сосны онъ оперся
Изсохшею и блѣдною рукою
И голову усталую склонилъ
На камень, въ плющъ одѣтый. Неподвижно
У края бездны члены распростерлись.
Такъ онъ лежалъ, покуда силы жизни
Въ послѣдній разъ, готовыя умчаться,
Его крылами тихо обвѣвали.

Надежда и отчаянье заснули,
И смертный голосъ скорби или страха
Не нарушалъ глубокаго покоя.
Лишь только впечатлѣнья чувствъ да голосъ
Внутри души, земной печали чуждой,
Все тише становясь, давали пищу
Его мечтамъ, покуда онъ лежалъ,
Дыша спокойно, съ кроткою улыбкой.
Послѣдній взоръ его упалъ на мѣсяцъ,
Склонившійся надъ западомъ и грустно
Съ ночною тьмой сплетавшій лучъ свой блѣдный.
Вотъ свѣтлый серпъ кривой черты холмовъ
Коснулся, — и покуда исчезало,
Какъ метеоръ, далекое свѣтило, —
Поэта кровь, которая всю жизнь
Въ согласіи какомъ-то тайномъ билась
Съ приливомъ и отливомъ міровданья,
Все медленнѣй и медленнѣй текла.
Когда-жъ во тьмѣ лишь двѣ блистали искры.
Его дыханье ночи сонъ чуть слышно,
Слабѣя, нарушало. Но все время,
Покуда лучъ послѣдній не угасъ,
Еще въ груди пульсъ повторялся слабо.
Вотъ онъ замедлилъ, — дрогнулъ. И когда
Одѣлось небо тьмою непроглядной, —
Сгустившись, тѣни окружили образъ,

Недвижно холодѣющій, подобный
Землѣ нѣмой иль воздуху пустому.
И какъ туманъ, еще зарей пурпурной
Пропитанный, — добыча ночи близкой, —
Его черты дышали красотою,
Движенья, мысли, божества лишившись: —
Осколки лиры, чьи живыя струны
Дыханье неба прежде оживляло, —
Потокъ изсохшій, нѣкогда плѣнявшій
Зеркальныхъ струй журчаньемъ сладкозвучнымъ, —
Сонъ юности, рукою черной ночи
И времени потушенной на вѣки,
Безмолвной, мрачной, мертвой, позабытой.
О, если-бъ тамъ былъ дивный сокъ Медеи,
Который, давъ на камень, въ немъ рождаетъ
Цвѣты — и вѣтвь засохшую живитъ
Весеннихъ почекъ нѣжнымъ ароматомъ!
О, еслибъ Богъ, столь сильный въ мірозданьи,
Намъ далъ питье, что нѣкогда отвѣдалъ
Лишь человѣкъ одинъ, который нынѣ —
Ненасытимой ярости добыча,
Презрѣнный рабъ, снѣдаемый стыдомъ, —
Скитаться осужденъ навѣкъ, безсмертный
И одинокій, смерти воплощенье!
О, еслибъ сонъ алхимика сѣдого, —
Что трепетной рукой, у края гроба,

Безсмертія и власти ищетъ въ пеплѣ
На черномъ днѣ плавильника, — былъ въ мірѣ, —
Столь радостномъ, — единственнымъ закономъ!
Но ты исчезъ, какъ легкій паръ, одѣтый
Лучемъ зари, — увы! но ты исчезъ, —
Прекрасный, кроткій, чистый и великій,
Дитя любви и генія. На свѣтѣ
Есть много безсердечнаго. Какъ прежде,
Живутъ и дышутъ черви, звѣри, люди;
Могучая земля изъ глубины
Морей и горъ, пустынь и городовъ
Торжественный возноситъ къ небу голосъ
Молитвы-ль тихой, гимна ли святого, —
Лишь ты исчезъ! Ты больше ужъ не видишь,
Не любишь міра дивнаго, который
Тебѣ всегда послушенъ былъ и нынѣ —
Увы — живетъ, хоть нѣтъ тебя. — Но пусть
Надъ этими безкровными устами,
Столь милыми въ своемъ молчаньи вѣчномъ,
Надъ этими очами, на которыхъ
Печати сна и смерть стереть не можетъ,
Надъ образомъ, не осквернennымъ тлѣньемъ, —
Пусть ни одна надъ ними не прольется
Слеза людская, — даже въ мысляхъ только!
Когда-жъ исчезнетъ блескъ и формы жизни,
И дивныя черты, холоднымъ прахомъ

Развѣявшись по вѣтру, будутъ жить
Въ простыхъ лишь звукахъ пѣсни этой скромной,—
Пусть памяти о томъ, кого ужъ нѣтъ,
Не сохранится въ пышныхъ мавзолеяхъ
Высокихъ пѣсенъ, статуй иль картинъ,—
Своимъ холоднымъ плачемъ говорящихъ
Лишь о своемъ безсиліи. Искусства
Мишурный блескъ и вопли краснорѣчья
Безпомощны и слабы, чтобъ оплакать
Того, кто всѣ ихъ свѣтомъ затемнялъ.
Гдѣ сразу все потеряно, для слезъ
Нѣмая скорбь тамъ слишкомъ глубока.
И если духъ высокій, освѣщавшій
Весь міръ своимъ сіяньемъ, угасаетъ,—
Онъ завѣщаетъ тѣмъ, кто остается,
Не бурный плачъ, не бредъ надеждъ крикливыхъ,—
Но блѣдное отчаянье покоя,
Холодную природы безпредѣльность,
Людской судьбы причудливость нѣмую,
Кругъ бытія, рожденье и могилу.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

ПРОСВѢТЫ

Стран.

Геѳсиманская ночь 3
Счастье Прометея 19
Три Музы 27
Робкому соловью 32
Молитва 35
Геній и трудъ 38
Пѣсня 41
Прокаженный 44
На палубѣ сырой мелькали мы, какъ тѣни . . . 48
Мы въ тяжкій вѣкъ живемъ — тяжелѣ былъ едва-ль 49
Конца земной борьбы намъ видѣть не дано . . 50
Быть можетъ, міръ прекраснѣй былъ когда-то . . 52
Утѣшеніе 54
Мой демонъ 56
Везувій 58
Искусство 62
Сказка 63
Фонтанъ 65
Блескомъ солнца небо ослѣпляетъ 67
На высотѣ 68
Херсонесъ 70
На кораблѣ 72
Затишье 73
Въ горахъ 74

Стран.

Вечерняя звѣзда 75
Женевское озеро 76
Южный полдень. 77
Вечеръ 79
Безкрайный сводъ небесъ, полей просторъ безбрежный. 82
Надъ арфою она склонилась и играла 83
О рой невѣдѣнья! О дѣтства свѣтлый храмъ . . 84
Мимо солнца яснымъ утромъ 85
Съ восточнаго 86
Я полноты любви не вѣдалъ никогда 87
Пускай на грудь мою, согрѣтою любовью . . . 89
Лишь тотъ достоинъ быть, Господь любвеобильный. 90
Пушкинъ. 91

ПѢСНИ ЛЮБВИ

Циклъ первый

Твоей кожи загаръ—какъ пустыни песокъ . . . 95
Въ моей душѣ любовь восходитъ 96
Съ восточнаго (Красою — женщина, еще дитя—лѣтами) 97
Въ разлукѣ горькой сладкій сонъ. 98
Съ восточнаго (На востокъ, гдѣ море плещетъ,). 99
На устахъ ея знойныхъ улыбки цвѣтутъ. . . . 100
Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю 101
Она, какъ полдень хороша 102
Маленькой, цвѣтущей розой мая 103
Многогрѣшными устами. 104
Первая встрѣча 105
Прости 107
Она—надломленная роза 109
Вашъ образъ, вѣчно жить достойный 111
Средь сумерекъ земныхъ мученій. 112
Чѣмъ глубже читаю въ душѣ твоей чистой. . . 113

Стран.

Портретъ 114
Я съ нею встрѣтился случайно 115
Когда, источникъ слезъ весь осушивъ до дна. . 116
Чѣмъ ниже я падаю въ бездну порока 118
Съ высотъ альпійскихъ я принесъ 119
Мы любили другъ друга любовью иной 120
Какъ за бѣгущимъ валомъ валъ 121
О вы, въ чьемъ сердцѣ бьетъ родникъ волшебный. 122
Еще я не люблю,—но, какъ востокъ зарею . . . 123
О, если-бъ знали вы, о чемъ я боязливо. . . . 124
Фіалокъ пріятный ароматъ 125
Романсъ 126
Въ тотъ вечеръ памятный насмѣшкой ледяной . 127
Спасенья нѣтъ. Она недвижно стала 128
Моей вы вняли грустной лирѣ 129
Не мѣсяцъ за его печаль и красоту. 130
Въ ея чертахъ младенческихъ и нѣжныхъ . . . 131
In Memoriam 133
Въ альбомъ. 134
Если-бъ между нами простиралось море 135
Въ твой дѣтскій взоръ, пытливо грѣшный . . . 136
О, если-бъ рѣчь моя, какъ взоры вашихъ глазъ. 137
Извѣстье скорбное нежданно налетѣло 138
Наши звѣзды въ различныхъ созвѣздьяхъ зажглись 139

ПѢСНИ ЛЮБВИ

Циклъ второй

Элегія 143
Элегія 146
Элегія 149
Безсонная полночь паритъ надъ мной. 151
Элегія 153
Элегія 155
Въ страданьяхъ гордость позабывъ 157

Стран.

Обрядъ печальныхъ похоронъ 158
Осенняя мелодія. 159
Закатъ осеній золотитъ 161
Я увидѣлъ ее. Какъ чужіе, мы другъ мимо друга 162

ИЗЪ АЛЬФРЕДА ДЕ-МЮССЕ

Лючія 165

ИЗЪ ІЕГУДЫ БЕНЪ-ГАЛЕВИ

Орелъ, воспылавши любовью къ орлицѣ 171

ИЗЪ ВЕРЛЭНА

Осенняя пѣсня 175

ИЗЪ БАЙРОНА

Еврейская мелодія. 179
Въ часъ когда разставались 180
Сонетъ къ Шильону. 182
Сонетъ къ Женевскому озеру 183
Сонъ 184

ИЗЪ ШЕЛЛИ

Посвященіе. 197
Озимандія 198
Доброй ночи 199
Облако 200
Аласторъ 204

BINDING SECT. APR 4 - 1966

PG
3470
V525A17
1907
t.3

Vilenkin, Nikolaĭ
Maksimovich
Polnoe sobranie stikho-
tvoreniĭ Izd. 4

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY